

INSPIRIA

НОВЫЙ СКАНДИНАВСКИЙ ТРИЛЛЕР

ПОЖИРАТЕЛИ

ПОЖИРАТЕЛИ

МАГНУС ЙОНССОН
ПОЖИРАТЕЛИ

 INSPIRIA

Ток. Новый скандинавский триллер

Магнус Йонссон

Пожиратели

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

Йонссон М.

Пожиратели / М. Йонссон — «Эксмо», 2017 — (Ток. Новый скандинавский триллер)

ISBN 978-5-04-156143-7

Жестокое нападение на банк вызывает панику в управлении. Они считают, что снайперы, убившие нескольких сотрудников, причастны к террористической организации. А это значит, что над Швецией нависла новая угроза. Рикард Стенландер и Эрик Свенссон прилагают все усилия, чтобы обезопасить свой город, но преступники уходят из-под носа полиции и покидают страну. Снова приходится обратиться за помощью к Линн Столь, эксперту по шифрованию и давней знакомой инспекторов. Ее прошлое, связанное с терактами и радикалами, может вывести расследование на новый уровень. А может закопать каждого причастного. «Пожиратели» — это леденящий душу триллер о кровавожадных убийствах. По-скандинавски жесткий роман, где в центре повествования оказывается обычная женщина — студентка-аспирантка Линн Столь. Именно благодаря ее уму, опыту и безмерной уверенности в собственных силах расследование выходит на новый уровень.

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-156143-7

© Йонссон М., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Магнус Йонссон

Пожиратели

Magnus Jonsson

Asätrana i Kungsträgården

© Magnus Jonsson 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

© FOTOKITA, fran_kie / Shutterstock.com

Адольф Бергшё огляделся по сторонам. Ему почудилось нечто знакомое. В слабом свете одинокого уличного фонаря все вокруг приобрело мягкие очертания. Он напрягся, пытаясь вспомнить. Ведь он уже бывал здесь раньше? Или же нет? Он продрог. Мороз пощипывал кожу, старик обнял себя обеими руками, тщетно пытаясь отыскать зацепки в туннелях памяти, которые в последнее время все чаще приводили в тупик. Земля под ним покачнулась, он схватился за столб, чтобы удержать равновесие. То, что вокруг было темно, как в погребке, за исключением крошечного островка света под фонарем, еще больше усугубляло ситуацию. Темнота не давала точек опоры, за которые можно было бы зацепиться. Ни одного спасательного круга среди черноты. Ничего знакомого, что могло бы подстегнуть сознание. Поскольку земля под ним продолжала покачиваться, он судорожно вцепился в столб и опустил на колени. Влажные ладони обожгло ледяным металлом. Как когда-то в детстве, когда лизнул мерзлую водосточную трубу рядом с крыльцом, и маме пришлось полить его теплой водой, чтобы выволочь из рабства его примерзший язык.

Он напряженно вглядывался в темноту.

Ничего.

Работу мысли затрудняло то, что все вокруг, погруженное в глубокий мягкий снег, было лишено четких границ и очертаний. В последние дни постоянно мело, и метель не унималась. Удивительное обстоятельство, учитывая, что дело происходило в середине ноября и не где-нибудь на севере, а в Сольне неподалеку от Стокгольма. Однако сам Адольф Бергшё не осознавал этого, стоя под снегопадом, от которого растаявшие снежинки стекали по лицу тонкими струйками.

Потеря ориентации у Адольфа Бергшё объяснялась тем, что ему было восемьдесят восемь лет и он страдал болезнью Альцгеймера – о чем он тоже не знал. Однако он остро ощущал на себе влияние болезни. Как сейчас. Он был уверен, что узнает это место, но память отказывалась служить ему. Зрительные впечатления поступали в мозг, нервные окончания схватывали их. Но дальше дело стопорилось. Впечатления не перерабатывались, как он ни старался. Сигналы попадали не туда, он был не в силах извлечь ничего из памяти, напоминавшей запертый сейф.

Его забывчивость не создавала бы столь серьезной проблемы, не стой он в данный момент среди танцующих снежинок в одной зеленой ночной рубашке с логотипом «Care4Me» на спине. Больше на нем ничего не было, даже носков. Подгузник, который на него надели на ночь, он умудрился снять и оставить в коридоре дома престарелых, расположенного всего в ста метрах от того места, где он стоял. Не помнил он и того, что именно этот подгузник, переполненный и к тому же натирающий, разбудил его среди ночи. Он не помнил, что позвонил в звонок вызова ночной медсестры, а когда никто не пришел, предпринял попытку сам найти дорогу до туалета. Подсознательно он помнил, что дневные медсестры огорчались по поводу того, что он изводит слишком много подгузников.

Адольф Бергшё, всю жизнь живший по принципу, что надо делать все от тебя зависящее и не становиться обузой другим, понял, что ночная медсестра занята другими, кто больше

нуждается в ее помощи. Пациентами, которые по-настоящему больны, а не просто желают удовлетворить свои надобности.

Трудности начались, едва он отправился на поиски туалета. Ему почему-то пришло в голову, что туалет в коридоре, а не в отделении, из которого он только что вышел, а оказавшись в коридоре, он забыл, по какому делу идет. Бродя взад-вперед, он пытался вспомнить, куда ему надо, что позднее подтвердили камеры наблюдения, зарегистрировавшие его движения. Те самые камеры, которыми заменили постовых медсестер, дежуривших ранее на каждом этаже. Отчаявшись и собравшись повернуть назад, он обнаружил, что не помнит, где его комната. Какая дверь его? И на нужном ли он этаже? Все выглядело совершенно одинаково.

В конце концов он добрался до автоматических дверей выхода, которые открывались только изнутри. Шагнув на каменные плиты за дверями дома престарелых, Адольф Бергшё не отдавал себе отчета, что в этот момент сделал решающий шаг в своей жизни. Ему и в голову не приходило, что он шагнул навстречу скорой смерти.

На видео камер наблюдения на следующий день ответственные лица могли наблюдать, как Адольф Бергшё бесцельно бродит у входа с выражением лица, явно демонстрирующим изумление от адского холода. Записи показывали, как он шаркающими шагами кружил на месте, останавливался, опустив голову, обхватив себя руками. На заднем плане виднелись автоматические двери, никак не реагирующие на его действия. Они не сдвигались ни на миллиметр. Запись кончалась на том, как Адольф Бергшё исчезает из виду, удалившись в темноту.

Дрожа от холода, он предпринял новую неудачную попытку сделать несколько шагов вперед по снегу. Вон там, в темноте, стоит скамейка, засыпанная снегом, – не на ней ли он сидел этим летом? Но вправду ли он дома? Или перед ним скамейка на большом хуторе Норра Стургорден в Сала? Но перед домом, где он вырос, никогда не было фонаря, так что, наверное, это где-то в районе Вита Берген, неподалеку от того места, где он живет.

Словно при помощи лазера в памяти высветился фрагмент – внезапно он вспомнил. Скамейка не может находиться в Витабергспаркене. Он там больше не живет. В доме, где он прожил большую часть жизни, произошло – как там они это называли? – произошла *реорганизация*. А теперь он живет в доме престарелых.

Он глянул вниз на свои ноги и голые ступни, засыпанные снегом. Холода он уже не чувствовал. Скорее приятное тепло. Прележни, обычно так мучившие его, тоже не ощущались. Он сел в темноте. А потом улегся в снег, который принял его в свои теплые объятия. Мягкий, как пух, он принял очертания его тела. Снег, проникавший через рубашку, освежал, но это было приятное ощущение. От него прошла и боль в ногах.

Он посмотрел вверх. Жизнь он прожил не зря. Жена и дети. Честно трудился столяром. Хорошие, надежные товарищи по работе. Но ему хотелось бы попрощаться. Не с Керстин – она умерла еще десять лет назад. С детьми. Он помнил их маленькими. Странное дело – воспоминания их ранних лет до сих пор то и дело всплывали в памяти. Как они учились кататься на велосипеде на дорожке за домом. Как сын ел мюсли с вареньем на завтрак. Как дочь примеряла подержанные лаковые туфли. А вот чем они заняты во взрослой жизни, за этим уследить труднее.

Он закрыл глаза и почувствовал, как снег падает ему на веки. А потом под опущенными веками замерцали звезды. В бога он не верил, так что это было не то. Или все же он? Иисус подает ему сигнал? Или просто его ждут мама с папой? Или это Керстин, осторожно постукивающая кончиками пальцев по его тонкой холодной коже? Дальше Адольф в своих размышлениях не дошел, потому что все почернело. Он заснул в снегу.

А поутру только четвертый проходящий мимо собачник обратил внимание на сугроб странной формы, на котором оставил свою метку его кокер-спаниель.

Глава 1

Пятница. День первый

Амид скользнул взглядом по оттопыренным ветвям в кронах лип. Выстриженная линия на верхушках деревьев продолжалась так же ровно на другой стороне парка Кунгстредгорден. Вукацерка и Ганнибал должны быть довольны работой шведов. Линия огня получилась идеально прямая. Он одобрительно кивнул. Что же касается всего прочего, то оно оставляло желать лучшего. В Стокгольме Амид оказался впервые. Нельзя сказать, чтобы ему здесь понравилось. Скорее наоборот. Будь у него возможность выбирать, он с удовольствием остался бы в Копенгагене.

Ездить ему никогда не нравилось. Потребность в путешествиях удовлетворилась сполна, когда он еще в детстве переехал из Ливана. С тех пор ему очень нравилось никуда не выезжать из датского города, ставшего ему родным, перемещаясь только между чайными домиками у Нёрребро, столиком для игры в нарды в Энгхавепаркен, «Кебабом Кони» на улице Истедгаде, бойнями с домашними тунисскими колбасками мергез и магазинчиками, где продают свежий турецкий айран. В обычных случаях никто и не требовал от него куда-либо ехать. Но на этот раз задание оказалось слишком важным. И провал недопустим. Тем более с учетом прошлого фиаско.

В мае они недооценили своего противника. И лично он тоже. Амид представить себе не мог, что один человек может причинить столько вреда за такое короткое время. Организация «Патриотический фронт» – их главная опора в Швеции – рассыпалась как карточный домик. Руководитель Йорген Кранц теперь отбывает пожизненный срок за убийство полицейских. Его они теперь долго не увидят. Отчаянные попытки Йоргена запустить в сверхсекретном бункере «Новоарийское братство» мало чем им помогут. Скорее наоборот, обычные люди отшатнутся при виде откровенно угрожающих манер этой компании. Бритоголовые накаченные анаболиками парни с татуировками на бицепсах и драконами на мощных загривках. Не совсем то, что им сейчас нужно.

Вся идеологическая и экономическая поддержка, оказанная «Патриотическому фронту», оказалась выброшенной на ветер. Но хотя они и потеряли миллионы, главной потерей стало не это, а прекратившееся идеологическое давление. С деньгами у них как-никак все в порядке.

Теперь шведские энтузиасты разбросаны по стране словно бродяги, и никто не может их возглавить. Хотя количество любителей родины в Швеции в последние полгода возросло, координации как таковой не существует. Может быть, за исключением «Движения сопротивления», но они по-прежнему слишком капризны и слишком малочисленны. Бог знает, сколько еще предстоит возиться, чтобы снова спустить на воду шведскую шхуну – если овчинка вообще стоит выделки.

Амид посмотрел на часы.

Осталось пятнадцать минут.

По телу пробежал холодок. Амид плотнее запахнулся в шерстяное пальто из альпаки. Правда, Копенгаген не то чтобы южный курорт, но в Стокгольме погода оказалась гораздо хуже. Никак не удавалось сохранить тепло – похоже, из-за тумана, окутавшего все в этот ноябрьский день. Холод и сырость проникали сквозь одежду, пробирали до костей. Ко всему прочему грязно-коричневые сугробы вдоль тротуара напоминали кучи испражнений у окопов на Голанских высотах – в том месте, о котором он старался забыть. Казалось, кто-то там, наверху, хочет еще раз подчеркнуть, в какой дерьмовый город он попал. Впрочем, он и не в отпуск приехал, оставалось только стиснуть зубы и делать свое дело.

Он отскочил назад, но было уже поздно – колеса проезжающего мимо этанолового автобуса подняли целый каскад грязи, который попал Амиду на брюки. Талая вода, перемешанная с грязью, проникла сквозь швы кожаных ботинок. «Снег в ноябре, что за идиотизм?» – подумал он, с раздражением отряхивая брюки. Надо сосредоточиться. Спрятавшись в тени за писсуаром, он разглядывал вход в главный офис банка SEB на другой стороне улицы. Перед ним возвышался роскошный портал – в исключительно странном, истинно шведском, обрамлении. Амид изучал его уже в четвертый раз и все равно не переставал удивляться. Над дверями банковского дворца, одного из самых величественных в Стокгольме, свисала, склонившись из виноградной грозди, нагая женщина, с провокационно неприкрытыми половыми органами и столь же обнаженной грудью. К тому же ее огромные бедра извивались по-змеиному, исчезая во внутренних помещениях банка. Непонятный язык, невероятно далекий и чуждый его ливанскому менталитету. Если они хотели изобразить русалку, то тогда, вероятно, у нее есть какие-то датские корни, но почему же она висит на стене над входом в шведский банк – это выше его понимания.

Взглянув на часы в мобильном телефоне, он сверил время с золотыми стрелками на церкви Св. Якоба наискосок позади от него. Момент скоро настанет. На часах 16:25. Они всегда выходят в одно и то же время: в 16:30.

Он чувствовал себя совершенно спокойно. Все участники точно знали, что делать. Оборудование позволяло работать в темноте, которая уже подступала.

Он снова принялся разглядывать фасад головного офиса SEB. На стенах виднелись и другие дорогостоящие скульптуры: торговцы, ремесленники, мореходы и прочие исторические группы. Справа в конце двое банкиров делили между собой мир. Он подумал, что они выглядят как типичные евреи. Тут, по крайней мере, художнику удалось передать реальную картину мира. Сам Амид хорошо знал «протоколы сионских мудрецов»¹. То, что евреи готовят заговор, намереваясь захватить мировое господство, – факт. Отчасти именно поэтому он находился сейчас на этом месте. Однако Амид и не подозревал, насколько он и создатель скульптур, покойный Карл Миллес, были единомышленны в этом идеологическом анализе.

Две минуты до половины пятого. Он снова бросил взгляд на церковь Св. Якоба, но ничего не мог разглядеть под маленьким куполом на вершине башни. Так и должно быть. Одной кнопкой выбрав номер в мобильном телефоне, он слушал, как звучат сигналы вызова.

Осталась одна минута.

Ганнибал и Вукацера посмотрели на церковь Св. Якоба. Ржаво-красные стены как будто нависли над ними. Оба держались в тени, рядом с тяжелой резной деревянной дверью. На спинах у них были черные военные рюкзаки той же марки, какую используют датские полицейские – «TacGear». В рюкзаках помещалось все необходимое. Оба посмотрели на часы в мобильном телефоне. Осталось пять минут.

Мимо них прошла светловолосая женщина. Вукацера не уставала удивляться, что все эти светловолосые люди, которых она в таком количестве наблюдала в последние дни, одного с ней происхождения. Она тоже опосредованно происходила от арийцев – через готские племена, поселившиеся когда-то очень давно в Хорватии. В этом вопросе она всегда полностью поддерживала дедушку: исключено, чтобы их семья происходила от иной расы, в особенности от коммунистических сербов, что бы там Тито ни пытался вбить им в голову. Впрочем, это из другой эпохи – она давно оставила все это позади. Теперь борьба ведется другими способами. Она не могла позволить себе отвлекаться на мысли о тех противоречиях, которыми было

¹ «Протоколы сионских мудрецов» – подложный антисемитский документ, в котором излагаются планы евреев по установлению мирового господства и разрушению христианского мира. (Здесь и далее – прим. перев.)

исполнено ее детство у бабушки с дедушкой, о тех разговорах за столом, когда отличия хорватов от сербов обсуждались в мельчайших деталях.

Она разглядывала людей, проходивших мимо по Кунгстредгордену в преддверии рождественской лихорадки, не подозревающих о той опасности, которая над всеми ними нависла. Исламизация идет полным ходом, а они бродят, как заблудшие овцы, размышляя о будущем празднике и подарках детям. Верно говорят, что мы не ценим того, что имеем.

Но именно поэтому она здесь – чтобы помочь подкорректировать тенденцию. Остановить захват. Хотя это точное хирургическое вмешательство – всего лишь крошечная часть долгосрочной работы.

Укол иглой.

Так обычно и бывало, когда вызывали их с Ганнибалом. Никаких деталей она и на этот раз не знала. Только то, что необходимо для выполнения задания.

Сама она выросла с необходимостью постоянно отстаивать свое наследие, в тени гражданской войны девяностых. В точности как все предыдущие поколения, жившие до нее в Хорватии. Ничто не дается просто так. Тут ей пришлось признать правоту четников² в Сербии. В конечном итоге именно мусульмане оказались самой большой опасностью в распадающейся Югославии.

Ганнибал обернулся к ней и сделал знак двумя пальцами, показывая, что скоро пора будет войти в церковь. В глубине души она надеялась, что в будущем станет больше людей с такой внешностью, как у него. Светлые волосы с чуть рыжеватым отливом, синие глаза. Высокий и широкоплечий. В ее глазах он достойно нес свое наследие викингов. Контраст с ней самой был огромен. Несмотря на свое готско-арийское происхождение, она была темноглазая, с черными волосами и к тому же невероятно низкорослая, всего метр шестьдесят. Однако свою внешнюю невзрачность она с успехом компенсировала тем, что стала лучшей в своем деле, что в конечном итоге принесло ей уважение в организации. По крайней мере большинства. Именно поэтому она и направлялась сейчас в церковь Св. Якоба. Дедушка начал тренировать ее с пяти лет, и со временем она стала одним из лучших снайперов Европы. Она была ровесницей тех детей, которых он тренировал в рамках молодежного движения «Усташка Младеж» во время прошлой войны. Детей, которые позднее вошли в «Црна Легија» – «Черный легион», чтобы сражаться с евреями и коммунистами. Дедушка был уже старенький, когда взялся за ее подготовку, но знания и терпение остались при нем. Она знала, что сохранила его наследие лучше, чем кто бы то ни было. Знала она и то, что Ганнибал, молча шагающий рядом с ней, несмотря на всю свою уважаемую внешность, был самым слабым звеном в цепи. Единственное, чем он может похвастаться, – обучением в школе обороны в Копенгагене и полугодовой практикой в Афганистане, где он возглавлял группу снайперов «Armadillo» на военной базе в провинции Гильменд. Тем не менее ответственным за проведение операции назначили его.

Сделав глубокий вдох, она сильно ударила себя по щекам ладонями и зашла вслед за Ганнибалом в церковь. Стало жарко, когда кровь прилила к мелким сосудам. Нужно полностью собраться перед тем, что ее ждет.

Войдя вовнутрь, они несколько секунд стояли неподвижно, пока глаза привыкали к тусклому освещению. В церкви было не совсем пусто. Впереди на скамьях сидели две пожилые дамы, а у алтаря с фотоаппаратом в руках стоял какой-то турист. Все были обращены спиной к ним и заняты своими делами. Подождав секунду, они с Ганнибалом быстро двинулись внутрь помещения, скрываясь за колоннами. Теперь они уже не влюбленная парочка, приехавшая на выходные, в ярких куртках, шагающая в обнимку, как когда они в предыдущие дни проводили рекогносцировку вокруг церкви. Теперь они – отряд особого назначения. Однозначно гораздо лучше.

² Четники – военные формирования в Сербии, обычно националистического (великосербского) толка.

От напряжения чувства у нее обострились, когда она вслед за одетым в черное Ганнибалом двинулась вверх по лестнице, ведущей в башню. Средневековую деревянную дверь, ведущую в потайные помещения церкви, они легко вскрыли отмычкой накануне. В узком пространстве Вукацера слилась с темнотой. Дело начато. Баланс восстановлен. Ганнибал снова просто коллега – почти равный ей по уровню. Стремительным шагом они направились к люку, выходящему на крышу. Согнувшись, протиснулись через отверстие, выбрали себе по бойнице и быстро легли рядом, положив перед собой рюкзаки. Открытое пространство на башне было небольшое, но его вполне хватило, чтобы лежать, вытянувшись, направив оружие наружу. В бойницах не было стекол, только низенькое ограждение, призванное помешать неосторожному посетителю выпасть и пролететь пятьдесят метров до земли. Отверстия в каменном ограждении были достаточного размера, чтобы просунуть ствол ружья, при этом они с Ганнибалом оставались невидимыми. Ветер жутковато свистел на вершине башни, и на мгновение Вукацера встревожила, что массивный купол у нее над головой, поставленный на колонны, качается. Свежий ветер охлаждал ей лицо, когда она расстегнула молнию рюкзака. Ганнибал в метре от нее сделал то же самое.

Никаких лишних движений.

Никаких разговоров.

Через бойницу она взглянула вниз на Кунгстредгорден, окинув взглядом кроны деревьев. Линия идеально ровная. «Шведы отлично поработали с нивелиром», – подумала она и привинтила ствол к прикладу. Надев на себя комбинезоны работников паркового хозяйства, шведы подстригли густые ветки, заслонявшие линию огня. Слабый свет фонарей освещал улицу Кунгстредгордсгатан. Закрыв глаза, Вукацера наслаждалась приятной тяжестью оружия в руках, вдыхала приятный запах смазки. Прохладная гладкая поверхность будто ласкала кожу.

Они всегда использовали самую современную технику – Accurasy International PS G1, хотя расстояние в 210 метров не составило бы проблемы и при более простой модели. В данном случае приходится признать, что шведы держат руку на пульсе – модель снайперской винтовки, которую закупили шведские вооруженные силы, оказалась лучшей из всех, на которых тренировалась Вукацера. Оптический прицел с оптикой «Hensoldt» и повышенной светочувствительностью идеально подходил для тусклого ноябрьского освещения.

Боковым зрением она отметила, как Ганнибал присоединил к винтовке подставку. Сама она привычным движением прикрутила к своей винтовке диски для удлинения приклада. Тут уж ничего не поделаешь – оружие на ее рост просто не изготавливают. Однако на меткость это никак не влияет.

Откалибровав прицел при помощи баллистических карт, оба загрузили в магазины малокалиберные патроны. Маленькие пули отбирались сознательно. Исходная скорость у них будет выше, так что сопротивление воздуха не сможет исказить траекторию пули и создать погрешность на ветер. Пули на полной скорости поразят мягкие мишени с отклонением в один-два миллиметра от креста в оптическом прицеле. А то и меньше. Мишени умрут еще до того, как упадут на землю.

Щелчком затвора Вукацера дослала пули в ствол. Наступил момент ожидания. Она подозревала, что Ганнибал покосился на нее, проверяя, закончила ли она приготовления. Против работы с ним она ничего не имела, но ее всегда раздражало, что он не готов признать ее превосходство. К тому же ей не нравился его мужской шовинизм. Она знала, что он пренебрежительно высказывался о ее деловых качествах, когда думал, что ее рядом нет. В разговоре с коллегами-мужчинами он прозрачно намекал, что она, как женщина, наверняка обладает врожденной слабостью, так что от нее меньше проку. И все это несмотря на то, что ему прекрасно известно – в их случае дело обстоит как раз наоборот. К тому же именно женщины всегда были самыми меткими снайперами в мире. Правда, коммунистки, из Советского Союза

и Вьетнама, но все равно женщины. Однако она и не ожидала, что Ганнибал в курсе. В истории он не силен. Теория – это не про него. С другой стороны, они сюда не на философский диспут пришли.

Телефон, лежавший рядом с Ганнибалом, завибрировал от входящего звонка. Ганнибал нажал на кнопку, и оба услышали в динамике негромкий голос Амида.

– Они могут выйти в любую минуту. Если выйдет одновременно несколько человек, я двинусь в сторону мишеней. Буду держать их по правую руку от меня, чтобы вы могли их отличить и выбрать оптимальный угол.

– Вас понял.

Ганнибал бросил взгляд на снимки, которые положил между собой и Вукацеркой. Четкие, с хорошим разрешением фотографии с сайта банка SEB, которые легко можно было разглядеть даже в сумерках. Разговор затих, но связь не прерывалась. Ему и Вукацерке не требовалось смотреть друг на друга. Слова тоже излишни. Оба знают свою задачу.

В окошке оптического прицела Вукацерка видела Амида, стоявшего возле банка в красной шапке с мобильником в руке. Казалось, он мерзнет. Или просто очень сосредоточен. Медленно текли секунды. Она делала вдох через нос и выдыхала через рот. Все под контролем. Ладони неподвижно лежали на винтовке. Ни малейших признаков дрожи. Полная концентрация в одной точке в нижней части грудной клетки, краткие ритмичные вдохи и выдохи. В отличие от дедушки, которому, как она помнила, требовалось пропустить стакан сливовицы, чтобы добиться устойчивости руки, – по крайней мере, под конец.

Вукацерка ждала. Ганнибал ждал. Они лежали молча. Над их головами под сводом башни висели позеленевшие от времени медные часы, готовясь пробить миг неминуемой смерти. В часах что-то щелкнуло, когда стрелка встала на половине пятого.

А потом события начали развиваться стремительно.

Двери банка SEB распахнулись, и множество людей одновременно вышло на каменную лестницу. Ситуация неоптимальная. Вукацерка прищурилась и разглядела мишени позади двух женщин среднего возраста в деловых костюмах. Мужчины, которых она видела в своем прицеле, остановились и подняли глаза вверх. Казалось, они смотрят прямо на нее. Легкий холодок пробежал вдоль позвоночника, хотя она и знала, что они никак не могут разглядеть ее в темной бойнице на башне. Скорее они говорят о погоде. Возможно, решают, пойти ли пешком или взять такси.

Она увидела, как Амид с телефоном в руке двинулся вверх по лестнице. Несколько человек в костюмах расступились. Красная шапка Амида скользнула вперед и остановилась рядом с двумя мужчинами. Они не обратили на него внимания. Бормотание их голосов звучало в телефоне.

Она кивнула Ганнибалу. Пора. Глаза ее сузились, сосредоточившись на крошечной точке в сетке оптического прицела. Голова человека был отчетливо видна. Характерный звук глушителя винтовки Ганнибала прозвучал рядом с ней, когда тот сделал свой выстрел. Она нежно надавила на курок. Раздался приглушенный хлопок. Приклад ударил в плечо. Она глянула в оптический прицел, чтобы увидеть результат, – и все в ней похолодело. Уже через миллисекунду после того, как дать выстрел, она почувствовала: что-то пошло не так.

То, что следовало увидеть, она пропустила.

Вукацерка не отрывала глаз от оптического прицела.

Ганнибал попал в свою мишень – прямо в лоб – за пару секунд до нее. Но потом что-то произошло. Неизвестный человек упал лицом вперед, оттолкнув ее мишень. Неожиданное движение заставило ее промазать – мишень резко ушла в сторону в тот момент, когда Вукацерка дала выстрел.

Быстро настроив сетку прицела, она отодвинула затвор, дослала новую пулю и выстрелила снова. Мишень на лестнице как раз наклонялась над упавшим коллегой. В затылке стало

горячо, когда Вукацерка почувствовала косой взгляд Ганнибала. Дома он первым делом расскажет всем о ее промахе. Она извлекла патрон. Металлическая гильза со скрежетом упала на каменный пол.

Вукацерка выстрелила снова.

Пуля вылетела в цель со скоростью 1290 метров в секунду.

Вукацерка не успела и глазом моргнуть, как пуля попала в жертву. На этот раз – в грудь. Не в лоб. Вукацерка раздраженно закусил губу и перенесла точку прицела на миллиметр. Сделал выдох и твердой рукой снова выстрелила. Попадание в шею мишени. На лестнице начался полный хаос, люди падали или в панике кидались прочь. Они поняли, что по ним стреляют. Некоторые пытались открыть дверь, чтобы укрыться в банке. Папаша с коляской улепетывал прочь по улице. Ребенок, сидевший в коляске и округлившимися глазами смотревший вокруг, единственный из всех воспринял события спокойно. Из телефона до Вукацерки доносились крики. Потом раздалось змеиное шипение.

– Стреляйте. Не все мишени поражены.

И она, и Ганнибал выстрелили снова. Одна из пуль попала мишени в затылок. Вокруг пораженной мишени виднелось не меньше десятка людей, лежавших, ползущих или просто апатично сидевших на лестнице. Нехорошо. Недостойно их профессионализма. Хотя мишени наконец поражены, все это выглядело как наспех сделанная халтура. И это притом что операция планировалась так тщательно. И тут ей не приходится винить Ганнибала. Во всем виновата она сама. На мгновение ей почудилось лицо дедушки, недовольно глядящего на нее сверху. Она поежилась. Но почему же все вдруг пошло наперекосяк? Действительно ли тот человек на лестнице случайно упал под ноги ее мишени? Или кто-то успел отреагировать в течение миллисекунды и отскочить в сторону? Ведь выстрелы там, внизу, были не слышны. Она пыталась отогнать непрошенную мысль, но та все же приходила: они осквернили здание церкви, заставив вмешаться того, в чьих руках жизнь и смерть.

Рядом с ней, засунув телефон в карман, раскручивал свою винтовку Ганнибал. Она избегала встречаться с ним глазами. У него хватило ума промолчать. Вероятно, он просто отложил разговоры на потом. Или понял, что выдавать саркастические комментарии сейчас было бы опасно для здоровья. Правда, она маленькая. Но умеет делать очень больно. Это он должен помнить с той тренировки, когда они стояли в спарринге.

Засунув последние части винтовки в рюкзак, она поднялась и отряхнула одежду. В пыли на каменном полу остались четкие очертания лежавшей там фигуры. Но никто не узнает, кто это. Собрав пустые гильзы, оба стрелка побежали вниз по лестнице. В руках они держали наготове боевые ножи, спрятав лезвия в рукавах. Ганнибал быстрым взглядом окинул помещение церкви. Паника и хаос, которые они только что наблюдали на ступенях банка, не проникали сюда. Дамы по-прежнему сидели на скамьях, не сводя глаз с фигуры Христа, страдающего на кресте. Вукацерка быстро осенила себя крестным знаменем и послала Спасителю признание в очередном грехе. Однако и он, и она понимали, что ее работа в конечном итоге служит благой цели. Никто из них не заинтересован в том, чтобы все заплонили мусульмане. Ганнибал открыл двери в тот момент, когда она догнала его, и они вышли, обнявшись, голова к голове, надвинув на лица кепки, и спокойно спустились по лестнице.

Кеннет Квастмо посмеивался про себя, радуясь как ребенок. Стоя на своем сегвее, он неся по улице Стрёмгата. Уже настал вечер, велосипедисты почти не попадались. Помимо того что он начал овладевать новым транспортным средством, которое за час до того ему выдали под расписку на складе полицейского управления на улице Кунгсхольмсгата, его особенно радовало то, что ему удалось мотивировать выдачу сегвея служебной надобностью. В полицейское управление на пробу поступило некоторое количество сегвеев последней модели – в этом нет ничего странного. Между тем ему, к его большому удивлению, с великим тру-

дом удалось уговорить своего непосредственного начальника, что он лучше всех подходит для испытания новой модели. После долгих уговоров начальник наконец сдался и позволил ему взять на себя эту задачу.

Сотрудник полиции общественного порядка Квастмо уже успел удивить несколько десятков прохожих на улице, которые, видимо, не привыкли видеть шестидесятичетырехлетних полицейских в форме рассекающими на транспортном средстве, которое они по ошибке приняли за игрушку. Однако он считал, что оптимально использует свое рабочее время. На своем пути он миновал пару алкашей на скамейке у Ратуши и на ходу крикнул им нечто строгое. Затем предупреждающе поднял палец, остановив нескольких подростков, собиравшихся перейти дорогу на красный. И все это – несмотря на то, что нелегко было выполнять эти маневры, одновременно поддерживая равновесие.

Рация на поясе завибрировала – уже в четвертый раз. К счастью, звук он отключил. Еще не хватало, чтобы он оторвал руку от руля, чтобы ответить, и тем самым подверг свою жизнь опасности.

Попробовав чуть наклониться вперед, он набрал скорость, выезжая на площадь Якова. «Никаких проблем, у меня прекрасно получается», – подумал он. В другом конце парка Кунгстредгорден раздавались крики, царила суматоха. Квастмо бросил взгляд в ту сторону. Этого оказалось достаточно – отвлечься на две секунды. Задним числом он не мог понять, как все могло произойти так быстро. Руль затрясся, подошвы заскользили, и сегвей начал петлять. Кеннета вынесло на бульжную мостовую перед входом в церковь, спускавшуюся к живой изгороди из самшита. Он судорожно вцепился в свое вышедшее из-под контроля транспортное средство и откинулся назад, пытаясь затормозить, но на склоне это не удалось – вместо этого он соскользнул вперед ближе к рулю.

Двухколесный монстр отреагировал мгновенно. Подпрыгивая на неровной поверхности, он понесся вперед. «Проклятье!» – успел подумать Кеннет, когда одна рука соскользнула с руля. Сегвей на полной скорости занесло в сторону. Нога у Кеннета соскользнула. Покрытие из бульжников явно очень твердое, хотя камни и круглые. «Черт, староват я для такого», – подумал он. И тут заметил свое спасение.

В паре метров от него по лестнице церкви Св. Якова спускалась влюбленная парочка. Они шли, крепко обнявшись. Однако в глазах Квастмо они выглядели не как два человека, а скорее как бесформенная масса. Включилось тоннельное зрение. Важнее всего было избежать падения на бульжную мостовую. Парочка не спеша спускалась по лестнице. Довольно большая площадь для торможения, и к тому же мягкая. Вцепившись в ручку сегвея, Кеннет на полной скорости влетел в живые подушки безопасности. Последнее, что он видел, – их черная одежда и потемневшее небо.

Спускаясь по лестнице церкви Св. Якова, ни Ганнибал, ни Вукацерка даже представить себе не могли, что их поджидает еще один неприятный сюрприз. Однако именно это и случилось – словно промахов перед банком оказалось мало. Все произошло за секунды. Глядя под ноги, чтобы спрятать лица под козырьками кепок, они не заметили живой снаряд, с огромной скоростью несущийся прямо на них. Мощным толчком их обоих откинуло в сторону, когда корпулентный полицейский врезался в них и упал сверху на Ганнибала. Вукацерка отреагировала инстинктивно. В секунду она уже была на ногах, ударом ноги оттолкнула толстяка от Ганнибала и изо всех сил ударила полицейского в висок стальной рукояткой ножа. Раздался щелчок, кровь из-под разорванной кожи брызнула на бульжник. Закатив глаза, полицейский упал и остался лежать как мешок. Но к этому моменту они с Ганнибалом уже во всю прыть направлялись в сторону Стрёмборга. Снова обнявшись, как влюбленная парочка, спешащая в тепло.

Глава 2

Перед главным офисом SEB царил полный хаос. Слышались панические крики, плач и стоны. Люди спотыкались об окровавленные тела, толкались и падали. Наступали друг на друга, пытались поднять раненых.

Амид вышел из общественного туалета, расположенного напротив банка. Операция не прошла чисто, как клиническое вмешательство, которое он спланировал. Но это ему предстоит обсудить с Вукацеркой и Ганнибалом на дебрифинге. Красную шапку ему удалось спустить в трубу. Вместо нее на нем теперь красовалась нейтральная черная кепка с логотипом «Nike». Двусторонняя куртка стала красивого голубого цвета. Он надел очки с тонированными стеклами. Рядом с ним по-прежнему звучали испуганные крики о помощи. Он спокойно двинулся прочь.

Когда он приблизился к статуе Карла XII метрах в двадцати от места происшествия, то увидел первые полицейские машины на мосту, ведущем к королевскому дворцу. Он бросил быстрый взгляд через плечо. По крайней мере, операция закончена с удовлетворительным, по его мнению, результатом. Боковым зрением он заметил, что несколько зевак, начисто лишенных инстинкта самосохранения, вышли на тротуар перед банком, наставив камеры своих мобильных телефонов. Он двинулся дальше, прекрасно понимая, что его наигранное равнодушие выглядит ненормально. Конечно, если у кого-то есть время наблюдать за ним.

Под вой сирен полицейские машины пронеслись мимо, резко затормозили дальше по улице. Раздались голоса, выкрикивающие приказы. Полицейские в защитных жилетах рассредоточились под прикрытием своих автомобилей. Потом сирены отключили, и стало тихо. Жуткий контраст по сравнению с общим хаосом всего восемь минут назад. Воцарилась зловещая тишина. Крики стихли. Словно все затаили дыхание в ожидании новой атаки. Но ничего такого не будет. Не сейчас. На этот раз задание выполнено. У него, как у корректировщика огня, осталось только одно дело: подведение итогов.

Со всех сторон подъезжали новые полицейские машины. Краткую тишину снова разрезали сирены. Амид видел, как полицейские в черных шлемах с защитными щитками и автоматами в руках заняли позицию на пересечениях улиц. Скоро появятся вертолеты. Но к тому моменту он будет уже далеко. В конце парка он развернулся и не спеша пошел обратно к офису SEB. Полицейские уже успели натянуть сине-белые ленты оцепления. Группа зевак стала больше, они столпились плотной стеной, пытаясь увидеть, что происходит за ограждением. Он протолкался вперед, делая вид, что им тоже движет любопытство к чужому горю. Как после средневековой казни на площади. Полиции уже удалось убрать тех, кто упал или у кого хватило силы воли изображать мертвых, чтобы избежать пули. Теперь полицейские занялись телами убитых и ранеными. Амид отметил, как какого-то человека, не являвшегося их мишенью, грузят на носилках в машину «Скорой помощи». Его это удивило. Других пострадавших не должно быть – ранены и в конечном итоге ликвидированы только мишени, хотя на какой-то момент операция почти вышла из-под контроля. Такой ошибки Ганнибал и Вукацерка не должны были допускать. Но, возможно, пострадавший – один из тех, в кого среди общего замешательства пуля попала рикошетом. *Случайное лицо*. Такое иногда происходит, несмотря ни на что.

Он продолжал изучать площадку перед банком. Первая мишень Ганнибала была мертва – тело лежало у основания лестницы на белом мешке для трупов. Пуля, как и планировалось, попала прямо в лоб. Амид наблюдал за работой полиции и «Скорой». Быстро опустил голову, заметив, что один из полицейских стал снимать толпу зевак.

Кепка должна скрыть его лицо. Выкрикивались приказы. Один из полицейских крикнул только что прибывшей «Скорой»:

– Он жив! Срочно в больницу.

Полицейский склонился над одним из тел, лежащих на лестнице.

– Пульса почти нет. Серьезные ранения. Его надо немедленно доставить в Каролинскую больницу!

Амид прекрасно знал шведский язык и все же не понял до конца. На несколько секунд в глазах у него почернело. Он уставился перед собой невидящим взглядом. Одна из мишеней осталась жива. Как, черт подери, такое вообще возможно? Он сам видел, как выстрел – по его расчетам, Вукацерки, хотя она и стормозила на начальном этапе, – в конце концов пришелся в голову. Мужчина никак не мог остаться в живых. И тем не менее он жив. Проклятье! В последний раз он согласился работать с женщиной. Он видел, как мужчину погрузили в машину «Скорой помощи», и протиснулся вперед, чтобы лучше слышать. Водитель тыкал в кнопки клавиатуры бортового компьютера. В динамике раздался приглушенный голос: «Каролинская больница, реанимация». Водитель взял в руки микрофон. Он говорил, словно запыхавшись:

– Готовьтесь к срочной операции и дефибриляции. Мы у ворот через десять минут. У пострадавшего огнестрельные ранения в руку, голову, грудь и шею.

Стоя на месте, Амид заколебался, некоторое время стоял в задумчивости, мысленно рассуждая сам с собой. Стало быть, задание не выполнено. На Ганнибала и Вукацерку больше рассчитывать не приходится. Они свою часть сделали. По крайней мере, попытались. Но когда речь заходила о заключительном этапе или уборке, то эта ответственность возложена на него. Времени на размышления нет. На лестнице он увидел главного полицейского начальника с красным лицом. Амид услышал, как тот отдает новые приказы: «Убрать посторонних. Оцепить весь парк».

Амид незаметно двинулся назад, когда полицейские стали приближаться к толпе, и пошел наискосок через парк в сторону станции метро «Т-централен». Проходя через турникеты, он опустил голову, чтобы избежать многочисленных видеокамер, которыми, как он знал, напичкан центр города. Набрав в мобильном «Каролинская больница», он нашел адрес Каролинской университетской больницы. Ближайшее к ней метро – «Ст. – Эриксплан». Он отправил Ганнибалу и Вукацерке эсмэску: «Место номер два, два часа». Они поймут. Стрёмсборг в центре города – ненадежное место, хотя и стемнело. Лучше сделать рокировку и встретиться у одного из альтернативных мест сбора.

Изучив карту в мобильном, он поехал в сторону «Ст. – Эриксплан». Место номер два – мост, ведущий к замку Карлберг – подходило как нельзя лучше, учитывая его близость к Каролинской больнице. Вне всяких сомнений, ему придется покинуть больницу в большой спешке. Но прерваться и просто уехать домой, оставив задание невыполненным, – исключено. Он вышел на станции «Ст. – Эриксплан».

Инспектор криминальной полиции Эрик Свенссон сидел в общем кабинете дежурной смены в управлении и наблюдал за коллегой, с которым ему выпало работать в этот день, – Андерсом Юнгбергом. Судя по всему, он ковырялся в каком-то старом нераскрытом деле в ожидании, пока не случится нечто более срочное. Вернее, в надежде, что ничего *не* случится, – что, впрочем, было бы весьма тщетной надеждой, поскольку они находились в самом эпицентре наиболее криминогенного района Стокгольма.

Светлые волосы Юнгберга, освещенные светом от экрана компьютера, напоминали нимб вокруг головы. Эрик улыбнулся этому сравнению. И вправду, в коллеге нет ни капли фальши. Он честен до мозга костей. И к тому же всем доволен. Не то чтобы он пытался что-то изображать, а просто искренне радовался всему – работе, семье, жене, детям, своим занятиям в выходные. Всему.

Как полицейскому, да и любому другому человеку, удалось так организовать свою жизнь, оставалось для Эрика загадкой. У него не было не только детей, но даже девушки, хотя по выходным он вел весьма интенсивную *личную жизнь* – с тех пор, как открыл для себя Tinder.

Эрик резко отличался от своего начальника Рикарда Стенландера, с которым обычно выходил на дежурство. Рикард редко говорил без необходимости, хотя Эрик и знал, что коллега несколько лет назад развелся и судился с бывшей женой по поводу ребенка. В том, что касалось частной жизни, Рикард отмалчивался, и каждое слово из него приходилось тащить клещами.

Юнгберг, склонившись над столом на другом конце помещения, продолжал стучать по клавишам, не подозревая, что Эрик наблюдает за ним. Несмотря на всю их непохожесть, Эрик уважал коллегу. Юнгберг знает, что делает, и не станет доносить на того, кто слегка растягивает границы дозволенного. Иными словами, это был человек насквозь положительный, хотя во время вечернего перерыва на кофе обнаружили новые различия между ними. В свободное время оба тренировались, но если сам Эрик занимался настоящим спортом – бокс и железо, то Юнгберг, как выяснилось, предпочитал всякую ерунду вроде йоги и медитации. Судя по всему, это означало, что алкоголь надо употреблять очень ограниченно. «Лучше уж ограничить медитацию», – подумал Эрик.

Кроме того, в отличие от Эрика Юнгберг совсем не интересовался музыкой. Вернее, ему нравилось все, что передавали по радио, без разбора. Проще говоря, коллега оказался совершенно безграмотным в музыкальном отношении. Не зная имени ни одного певца, он не отдавал предпочтения какому-либо музыкальному направлению, считая, что музыка должна быть приятной – и все. Музыка, вернее гангстерский хип-хоп, стала важной частью той истории о детстве в гетто и суровой школе жизни, которую сочинил себе Эрик. То, что на самом деле он вырос в идиллическом местечке в Смоланде, среди мопедов, коров и вечеринок с одноклассниками под музыку Iron Maiden и Саманты Фокс, – об этом Эрик не желал рассказывать ни Юнгбергу, ни кому-либо другому.

В комнате загудел городской телефон, и Эрик услышал голос Севиньи, дежурившей в колл-центре. Она заговорила взволнованно:

– Привет, парни, у меня для вас срочный вызов, хорошо бы вы взяли это на себя.

– О'кей, а что там стряслось?

– Подозревают теракт. Перестрелка по адресу: Кунгстредгордгатан, 8. У главного офиса SEB. Всех подняли по тревоге, отряд быстрого реагирования уже на месте. Несколько убитых и раненых. Преступники, похоже, скрылись. Операцией руководит Патрик Энглаум. Они оцепили место, но он хочет, чтобы туда как можно скорее выехали эксперты и следователи. Возьметесь?

– Мы выезжаем. Конец связи.

По напряженному выражению лица Эрика Юнгберг уже догадался, что произошло нечто серьезное.

– Куда мы?

– Теракт в Кунгстредгордене. Несколько убитых. Нас ждет Патрик Энглаум, они уже на месте, оцепляют территорию.

– Виновных взяли?

– Ответ отрицательный. Поведу я.

Эрик не смог устоять перед искушением запустить мотор «Вольво V70» на холостом ходу и почувствовать, как колеса завизжали, скребя по бетонному полу, прежде чем отпустить тормоза и вылететь из гаража. Боковым зрением он отметил, что Юнгберг покачал головой по поводу острого запаха паленой резины, проникшего в салон машины. С некоторыми усилиями Эрику удалось включить сирену на крыше штатской черной машины, и они стали про-

кладывать себе дорогу среди плотного движения на Флемминггатан, чтобы потом прибавить скорость, выбравшись в выделенную полосу для автобуса.

Трудно было не понять смысл поступившего сигнала. И все же это казалось невероятным. Очередной террористический акт. На этот раз – направленный против финансового центра Стокгольма.

Закончив разговор с Энглаумом, он набрал полученный от него код вызова того подразделения, которое оказалось на месте раньше всех. В рации затрещало, он взял микрофон.

– ПП1214, прием. Инспектор криминальной полиции Эрик Свенссон, прием.

Новый треск, потом последовал ответ.

– Оке Лундبلاد слушает, мы в парке Кунгстредгорден. Хорошо, что вы едете, нам очень нужна помощь. Тут полный хаос.

– Понимаю. Будем через пять минут. Кого-нибудь взяли?

– Нет. Парни из отряда быстрого реагирования только что оцепили территорию, и Матеуш как раз опросил первых свидетелей. Но из банка все на месте, можете заняться ими, когда приедете.

Эрик услышал, как кто-то засмеялся на заднем плане, и потом раздалось громкое шуршание, когда Оке Лундبلاد положил микрофон на колени. Через шум рации Эрик услышал, как Оке Лундبلاد спрашивает кого-то, сидящего с ним в машине, о показаниях свидетелей. Раздалось покашливание, а потом последовал ответ – судя по всему, Матеуша, предназначенный не Эрику, а Оке Лундبلادу. Несмотря на треск, Эрик и Юнгберг отчетливо услышали, что было сказано в другой машине, когда Матеуш ответил коллеге:

– Несколько человек видели черного. Какой-то чурка. Можешь передать ему это как словесный портрет.

Эрик заметил, как Юнгберг покосился на него. Коллега сокрушенно покачал головой. Потом в динамике снова раздался голос Оке.

– Да, несколько свидетелей видели черного. В смысле – араба, который находился рядом с банком как раз перед тем, как началась перестрелка.

Эрику не раз доводилось слышать расистские комментарии, так что он не пришел в шок. Зато его удивило, насколько открыто люди их высказывают. Словно эти понятия вдруг стали неотъемлемой частью полицейской работы. По крайней мере, так, похоже, казалось коллегам в подразделении Оке Лундبلادа. Никто с заднего сиденья в машине Лундبلادа ничего не возразил. «Молчание – знак согласия», – подумал он. Словно мало всей той открытой ненависти ко всему непохожему, которой круглосуточно брызжут разнообразные интернет-форумы. Похоже, сняты все границы – покуда не приходится самому постоять за свои убеждения, лицом к лицу с живым человеком, а можно спрятаться за компьютером. Или полицейским микрофоном. Он подозревал, что Оке Лундبلاد не поймет иронии, однако весело ответил в микрофон:

– Ну что ж, тогда профиль злоумышленника составлен.

– Э... что? Да, наверное. Я как-то пока об этом не думал.

На несколько секунд стало тихо. Потом раздался смех, когда до него дошло.

– Проблемка только в том, что он пока не пойман.

Эрик затормозил на Кунгстредсгордсгатан. Здесь работало множество полицейских, разгонявших толпу. Ленты оцепления уже были натянуты. Несколько бледных личностей сидели у стены вдоль фасада банка, глядя перед собой невидящими глазами. На углу стояли полицейские из национального отряда быстрого реагирования в черной униформе и черных шапках с автоматами наготове. За ближайшей к нему лентой оцепления Эрик заметил высокого человека средних лет, сидевшего в полицейском фургоне ногами наружу. Тот держал в руках микрофон. «Видать, это и есть Оке Лундبلاد», – подумал Эрик. Позади виднелся коротко остри-

женный полицейский – вероятно, Матеуш – и еще два темных силуэта с двух сторон от него. Эрик вышел из машины в сопровождении Юнгберга и остановился перед рослым мужчиной.

– Я Эрик Свенссон. А ты, должно быть, Оке Лундблад?

Он заметил, как Оке Лундблад побледнел – что удивительно, учитывая, что кожа у того и так была прозрачно-белой, словно он обычно общался с вампирами. Или же проводил все свое время в помещении перед компьютером, изливая в Сеть комментарии типа того, что только что сообщил в микрофон. Бледный полицейский опустил глаза и кивнул.

Оке Лундблад мгновенно сообразил, что он и темнокожий инспектор криминальной полиции Эрик Свенссон вряд ли придерживаются одного мнения по поводу выбора слов в том анализе ситуации, который он только что представил по рации. Лундблад был совершенно сбит с толку. Цветной полицейский был одет как рэпер – в мешковатых джинсах, кедах и с толстой золотой цепью, мерцавшей в вырезе джемпера.

Эрик резким движением достал свой блокнот.

– Так-так, посмотрим. Просто чтобы корректно отразить в отчете: судя по словесному описанию, это был чурка, иными словами черный, иными словами араб, находившийся рядом с местом преступления непосредственно перед началом перестрелки?

Оке по-прежнему смотрел себе под ноги.

– Э-э, нет, то есть мы просто процитировали свидетелей. То есть их слова. Имеется в виду выходец с Ближнего Востока.

– Ах вот оно что, так-так. Но чтобы быть уверенным, что я все правильно понял, я процитирую ваше прежнее высказывание, как вы его изложили. Я пишу: черный, чурка и араб, чтобы избежать недоразумений.

Возникла напряженная пауза: Оке Лундблад заерзал на месте, Эрик записывал.

– Ну вот, все готово. Теперь осталось записать ваши фамилии и табельные номера, и больше мы не будем вам мешать. Важно, чтобы рапорт получился как можно более полным, на случай, если им заинтересуется начальство или затребует материалы прессы.

Он протянул блокнот Оке Лундбладу.

– Ваши фамилии. Для протокола.

Оке Лундблад так и остался сидеть перед Эриком Свенссоном с полуоткрытым ртом, нервно моргая. Казалось, он надеялся, что черный полицейский исчезнет, если только он закроет глаза. Он растерянно взял блокнот из рук Эрика. И тут же вздрогнул, когда Эрик сурово выкрикнул:

– Фамилии! Ведь вы получили их от ваших родителей? Или они подкинули вас под дверь социальной конторы где-нибудь в Шёбу или Грэсторпе, решив вместо этого усыновить других детей, у которых IQ повыше, чем у лоботомированных дынь?

Прежде чем мужчины успели отреагировать, он добавил:

– Это был риторический вопрос. Погуглите при случае это слово.

Затем он развернулся и направился к лестнице, ведущей в главный офис банка. Он догадывался, что двое полицейских, все еще сидевших в машине с раскрытыми ртами, вряд ли пригласят его на рождественскую вечеринку. Эрик направился к женщине-полицейскому из другого подразделения, которую знал. Она кивнула ему и одновременно махнула рукой, останавливая людей, спрятавшихся за дверями банка SEB. Покидать укрытие пока не стоило.

Глава 3

Комиссар криминальной полиции Рикард Стенландер держал в ладонях чашку с горячим сидром и любовался видом на Смедсуддсбадет по другую сторону залива Риддарфьярден. Во рту ощущался приятный вкус кардамона, яблока и имбиря. Комиссар наслаждался выходным днем, который к тому же еще не закончился. В воздухе повисло ощущение, что время остановилось, когда он стоял на маленькой площади Карлхельсгорд на Лонгхольмене. Мимо, дымя трубой, проследовал пароходик из Дроттнигхольма.

Осенний вечер освещал огонь, горевший в железной корзине посреди площади. Языки пламени отбрасывали желтый отсвет на оштукатуренный фасад и подчеркивали тень от высокого каштана, охранявшего вход в бывший бильярдный зал водочного короля Л. У. Смита. Сейчас бильярдный зал переделали в «Пещеру горного короля», где располагались ресторан и бар. Природный инстинкт самосохранения заставил Рикарда осознать, что пять часов вечера в пятницу – слишком ранний момент, чтобы заказать десятикратно очищенную водку, когда-то выведенную на рынок Л. У. Смитом. Особенно с учетом того, что Рикард обычно вообще не пил водку. Зато ему захотелось чего-нибудь горячего, чтобы согреться среди сырой и промозглой осенней темноты. Он поддался на обещания написанной от руки таблички, привлекавшей домашним сидром с приправами по американскому рецепту.

Этот ноябрьский день показался ему хорошим не только потому, что он мог теперь спокойно стоять с чашкой сидра в руке. Успеху дня способствовало в первую очередь то, что Рикард провел его со своим сыном Эльвином. И дело не в том, что он редко видел Эльвина, – напротив, Эльвин жил у него каждую вторую неделю, по договоренности с бывшей женой Марианной. Разница на этот раз состояла в том, что это был бонусный день. Несколько месяцев назад Рикард осторожно предложил, что в какой-нибудь из своих нечастых отгулов мог бы заменить собой детский сад, даже когда была не его неделя. Всего год назад это показалось бы невысказанным.

Развод вымотал все нервы, и в какой-то момент было непонятно, согласится ли Марианна на попеременное проживание ребенка. Она была настроена непримиримо – в ее глазах семья развалилась из-за того, что Рикард оказался неспособен брать на себя ответственность.

Понимая, что уже поздно, он все же произвел кое-какие изменения. Его новая жизнь – это не только исполнение долга и недельное дежурство, он надеялся, что сын будет вспоминать то время, которое они провели вместе, как они общались и что-то делали сообща. Отношения с Марианной тоже значительно улучшились с тех пор, как она вышла замуж за Мартина. Теперь проще стало договариваться по поводу Эльвина, и теперь бывшая жена производила впечатление человека куда более гармоничного. Рикард прекрасно понимал – это неудовлетворительная оценка его прежнему поведению.

Сегодня Рикард сводил сына в Этнографический музей на Юргордене. Они уже бывали там раньше, но Эльвину никогда не надоедали глиняные шалаши из Центральной Африки, саамское оружие для охоты и вигвам индейцев, в который можно было залезть. Вместе они облазили все, почитали про стрелы, отравленные ядом кураре, и черепах, украшенных драгоценными камнями, чтобы потом, как всегда, поиграть напоследок в прятки в почти пустынном музее. Его мало беспокоило то, что это противоречит правилам поведения в музее, хотя он с учетом его профессии должен был бы подавать хороший пример.

Он покосился на Линн, которая приближалась к нему с двумя чашками сидра. Вторая порция. Отблески огня придавали ее светлым волосам оранжево-желтый оттенок. Она шла медленно, держа чашки кончиками пальцев, чтобы не обжечься, и смотрела под ноги. Он улыбнулся. Из-за объемного бомбера Линн казалась мускулистой, хотя на самом деле она довольно тоненькая. В ее обществе он чувствовал себя комфортно, хотя у них вряд ли много общего.

Линн Столь – молодая женщина, любительница покататься на скейте и анархистка. Он – мужчина среднего возраста, полицейский и обладатель дачного участка. Тем не менее вместе они чувствовали себя свободно. Словно с тех пор, как они виделись в последний раз, прошло совсем немного времени.

Линн протянула ему чашку с дымящимся напитком. Они посмотрели на черную воду. Рикард осторожно подул на сидр.

– Не соскучилась по работе с полицией?

– Честно? Вовсе нет. – Линн сделала маленький глоточек горячего напитка и улыбнулась Рикарду. – Уже начала потихоньку отвыкать от того, что в меня стреляют, похищают и почти убивают.

Рикард взял чашку в ладони, согревая их. Он помнил, что в мае Линн весьма неохотно поддалась на уговоры начальницы Рикарда Луизы Шёстедт – тетушки Линн – помочь им в расследовании жесткого убийства молодых женщин. Ее подозрительное отношение к полиции пока не рассеялось. Хотя они с Линн с тех пор остались друзьями. Он покачал головой и взглянул на нее.

– Такого больше не повторится. Но, может быть, нам еще понадобится твоя помощь.

– Угу. Вот тогда и посмотрим.

Рикард смотрел, как ветер гонит над водой клочья тумана. Он знал, как трудно в его возрасте находить новых друзей, с которыми можно разумно поговорить. Особенно в полиции, где склонность к размышлениям и любовь пофилософствовать скорее рассматривалась как слабость или просто признак глупости. То, что Линн – ярко выраженная анархистка, его нисколько не смущало. Напротив, он во многом соглашался с ее подходом к демократии, хотя себя скорее мог бы описать как мелкобуржуазного либерала. Или социального либерала. Или все же как социалиста с отчетливыми либеральными чертами? Эту позицию, похоже, разделяет с ним большинство жителей Швеции, кем бы они себя ни называли – социал-демократами или умеренными.

Впрочем, то, что он хорошо относится к Линн, еще не означает, что он хорошо относится ко всем ультралевым – он не любил ни поклонников диктатуры, ни откровенных хулиганов, которые изображали из себя политически сознательных, лишь бы оправдать то, что они все крушат и ломают. Впрочем, Линн не относилась к этой последней категории, хотя до недавнего времени состояла в «Антифа»³.

В любой организации можно встретить самые разные типы людей – это он прекрасно знал, отработав четверть века в полиции, где многие его коллеги обладали тем же менталитетом насилия, что и профессиональные демонстранты. Не далее как вчера он видел в спортивном зале полицейского управления молодого парня с надписью «Шевельнись – пристрелю» на футболке.

Он отпил большой глоток. В груди растеклось тепло. В следующую секунду тишину разорвал звонок мобильного телефона. Рикард достал из кармана телефон. «Эрик С.» – лаконично констатировал дисплей. Рикард вздохнул. По крайней мере, он успел провести целый день с сыном. Если, конечно, разговор не касается каких-то личных дел, что легко могло случиться, когда звонил Эрик Свенссон – его коллега и непосредственный подчиненный.

– Привет, Эрик! Что-нибудь случилось?

– Требуется твоя помощь. Мы с Юнгбергом только что приехали в Кунгстредгорден. Перед банком SEB застрелено несколько человек. Похоже на хладнокровную казнь. Выстрелы в голову.

Рикард услышал, как коллега заколебался на секунду.

– Похоже на террористический акт, – продолжал он.

³ «Антифа» – международное движение, ставящее своей целью борьбу с фашизмом.

Рикард похолодел.

– Проклятье! Преступник задержан?

– Нет, и пока никаких следов. Свидетели описывают нападение как гром среди ясного неба. Возможно, снайперы с какой-нибудь крыши. Люди падали без всякого предупреждения, когда выходили из банка. Никто не слышал выстрелов и ничего не заметил.

Линн вопросительно посмотрела на него. Рикард с грустью ощутил, как от спокойного вечера не осталось и следа – из-за событий, разыгравшихся по другую сторону залива.

– Кроме того, мы окружены огромной толпой любопытных, напирających на ленты ограждения, и представителями СМИ, которые выкрикивают свои вопросы.

– Хорошо, понял, выезжаю.

Рикард нажал на кнопку и с извиняющимся видом протянул Линн свою чашку с сидром.

– Звонил Эрик. Мне надо ехать. В Кунгстредгордене что-то случилось.

Она кивнула.

– Но поужинать-то мы сможем?

– Надеюсь. Возможно, придется отложить ужин на несколько часов. Позвоню.

Он быстрым шагом направился к мосту, вышел на Лонгхольмсгатан и стал махать такси, направляющемуся на мост Вестербрун.

Летом, после того как «кукольное убийство» было сдано в архив, Рикард продолжал иногда встречаться с Линн. Их дружба крепла. Но потом все пошло так, как у него обычно бывало. Все время что-то мешало, работа отнимала много времени, все остальное приходилось откладывать, и они созванивались все реже и реже. Похоже, у нее тоже масса дел, она занята своими криптографическими исследованиями в Королевском технологическом институте. И вот сегодня они наконец договорились встретиться у нее дома и вместе приготовить ужин.

И тут такое...

Очередной теракт.

Словно мало оказалось грузовика на Дроттнинггатан полгода назад. Он ощутил неприятный холодок. Опять одинокий сумасшедший из ИГ⁴? Или очередной Аусониус⁵ или Мангс⁶, на этот раз нацелившийся на банковских служащих вместо иммигрантов? Он снова вздохнул, глядя, как за окном такси проплывает королевский дворец. Ужин дома у Линн показался чем-то далеким и несбыточным, когда Рикард разглядел впереди длинную вереницу мигающих полицейских машин.

⁴ «Исламское государство» – исламская террористическая организация, запрещенная на территории России.

⁵ Йон Вольфганг Аусониус, известный как «лазерный убийца», совершил в начале 1990-х годов целый ряд убийств и покушений на людей с темными волосами и темным цветом кожи.

⁶ Юхан Петер Мангс – шведский убийца, совершивший в 2009–2019 годах многочисленные убийства и покушения на жителей Мальмё с темной кожей, мусульман и цыган.

Глава 4

Визжа тормозами, на улицу Кунгстредгордсгатан въезжали все новые машины «Скорой помощи». Завывание сирен эхом отдавалось от стен домов. Зловеще яркий свет мигалок отражался в мокром асфальте. Закончив разговор с Рикардом, Эрик направился к руководителю операции Энглауму, который стоял перед входом в SEB, координируя работу отряда короткими командами по рации. Энглаум мрачно глянул на него.

– Понятно, все произошло очень быстро. Мне понадобятся еще следователи, чтобы разобраться во всей этой бойне. Следов преступника по-прежнему нет. Рикард поблизости?

– Там работает Юнгберг. Рикард в пути. Твои люди дали нам краткий обзор случившегося.

Энглаум кивнул и указал на группу людей, сидевших в скрюченных позах.

– Хорошо. Если хочешь, начни допрашивать тех, которые сидят вдоль стены. Патрульные уже поговорили с ними, но мы решили никого пока не отпускать. Мы устанавливаем личность тех, кто находится внутри банка, – их мы потом выпустим через другой выход. Список их фамилий я перешлю Рикарду.

Юнгберг пересек улицу, чтобы увидеть всю картину, и теперь наблюдал огороженную территорию перед банком. Все оказалось еще хуже, чем он ожидал. Напоминало фото гражданской войны в Сирии. Погибших увезли, медики оказывали помощь тем, кого ранило осколками и рикошетом. Он отметил, что Эрик направляется к группе людей, находящихся в шоке и сидящих вдоль стены дома рядом с SEB. Одни обнимали себя за плечи, дрожали и всхлипывали, другие апатично смотрели прямо перед собой – их лица с округлившимися глазами и крошечными точками зрачков едва виднелись из-под одеял.

«Что происходит, черт подери?» – подумал Эрик. Он не узнавал своей страны. Грузовик, давящий ни в чем не повинных людей, покушения на жизнь художников, нацисты в правлении муниципалитета, ультраправое народное ополчение с именами викингов. К тому же метание гранат в полицейских и обстрел прямо на улице. Все это стало будничным делом в крупных шведских городах.

И вот теперь очередной теракт.

Настоящая казнь в самый обычный день прямо в центре Стокгольма.

Он покосился на лестницу. Дежурные эксперты-криминалисты в белых комбинезонах вовсю занимались своим делом. Убитых унесли. Однако на земле угадывались контуры тел, словно их тепло оставило невидимый след на граните. Следы людей, которые только что были живыми. Возможно, случайные жертвы, оказавшиеся не в том месте. Теперь от них остались только следы крови.

Он направился к свидетелям, сидевшим чуть в стороне, и присел перед двумя женщинами, тесно прижавшимися друг к другу под серебристым одеялом спасательной службы. Их тонкие деловые костюмы плохо согревали в холодный и сырой вечер. Лица у женщин были бледные, губы начали синеть.

– Хотите, принесу вам еще одно одеяло?

Одна из женщин вздрогнула и с удивлением посмотрела вверх, продолжая механически тянуть себя за пальцы руки.

– Что?

– Я инспектор криминальной полиции Эрик Свенссон. Вы мерзнете?

Кажется, только сейчас она поняла, что перед ней полицейский.

– Мерзнем? Нет, все в порядке. Мы хотели бы поскорее уйти отсюда.

– Вам надо сперва пообщаться с медиками. Сейчас приедут еще машины «Скорой помощи». Шок может застигнуть вас позднее.

Женщина кивнула и опустила глаза, продолжая хрустеть пальцами.

– Вы в состоянии ответить на пару вопросов?

Она пожала плечами, не поднимая на него глаз.

– Как вас зовут?

– Меня зовут Юсефин Бергман. Мою коллегу – Анника Левенхаупт. Мы члены руководящей группы в отделе по работе с инвесторами. Мы еще не закончили, вышли ненадолго, чтобы принести себе кофе.

Последние слова она произнесла с почти извиняющейся интонацией.

– То есть, хорошо, выпить по бокалу вина в «Виккан»⁷. А потом все случилось мгновенно. Мы с Анникой так и не поняли, что происходит. Люди стали падать друг на друга и кричать в панике. Нас сбили с ног, я лежала посреди улицы, прикрыв ее рукой, а вокруг нас убивали людей.

Она затряслась и заплакала, прижавшись головой к подруге, продолжавшей смотреть прямо перед собой остановившимся взглядом.

– Анника лежала так неподвижно, что я испугалась – вдруг она уже мертвая.

Голос изменил ей, и последние слова она произнесла едва слышным шепотом.

– И среди всего этого хаоса – красная шапка.

– Что?

Она заколебалась.

– Кажется, это последнее, что я запомнила. Человек, который смотрел на меня совершенно равнодушным взглядом. На нем была красная шапка. Кажется, он был темнокожий – или, может быть, загорелый.

– У него в руках было огнестрельное оружие? Ружье или пистолет?

– Нет-нет, в руках ничего. Кажется, только телефон. Точно не помню. Но никакого оружия.

Размахивая через стекло полицейским удостоверением, Рикард велел таксисту проехать через ограждение у моста Стрёмбрун. Выйдя перед зданием банка, он помахал рукой Юнгбергу, одновременно заметив Эрика, идущего к нему по улице.

– Последовательность событий? Задержанные? Подозреваемые?

– На лестнице двое убитых. Никто не задержан, но, вероятно, стрелок находился на какой-то крыше поблизости. – Юнгберг кивнул на дома, окружавшие парк Кунгстредгорден. Вокруг не было никого, кроме полицейских, ходивших между деревьями в сумерках. На крыше здания банка «Нордеа» по улице Хамнгатан виднелись вооруженные полицейские. К Рикарду и Юнгбергу подошел Эрик.

– Вблизи лестницы наблюдали мужчину с ближневосточной внешностью – в тот момент, когда началась стрельба. В красной шапке. Первыми о нем упомянули доморощенные расисты из патрульной службы. Но их слова подтверждаются показаниями свидетелей.

– Человек, выделяющийся красной шапкой, вряд ли может быть замешан?

– Не знаю. Может быть, корректировщик огня. Снайперы, похоже, находились на башне церкви Св. Якоба.

Юнгберг и Рикард с изумлением уставились на него.

– Да, я знаю, что известен своей быстрой и эффективной работой. Но на этот раз не обошлось без помощи... – Он сделал артистическую паузу. – Кеннета Квастмо.

⁷ «Виккан» – краткое название ресторана «Виктория» в парке Кунгстредгорден.

Эрик с удовлетворением отметил, что интрига возымела желаемый эффект: у коллег буквально открылись рты.

– Самый неуклюжий полицейский Швеции неожиданно оказался прямо перед выходом из церкви как раз в тот момент, когда подозреваемые покидали здание. Ему даже удалось временно задержать их...

Тут он не мог не сделать новую артистическую паузу.

– ...врезавшись в них на своем сегвее.

Рикард и Юнгберг продолжали смотреть на него разинув рты. То, что Квастмо первым оказался на месте происшествия и к тому же почти задержал преступников, звучало столь же невероятно, как то, что на землю упал осколок метеорита, унеся жизни нескольких банковских служащих перед банком SEB.

– К сожалению, он попутно отправил в нокаут самого себя и лежал без сознания на земле, так что злоумышленникам удалось скрыться. Его забрали в Каролинскую больницу для оказания первой помощи. Там же находится и один из пострадавших из SEB. В реанимации. С огнестрельной раной в голове.

Рикард сокрушенно покачал головой.

– Так – и с тех пор, стало быть, преступников никто не видел? – Он развел руками. – Если Квастмо – единственный, кто контактировал с ними, это почти то же самое, как если бы их не видел никто. А вертолеты?

– Ни на крышах, ни на улицах никаких следов не обнаружено. Но я собираюсь поехать в Каролинскую больницу. Единственное, что Квастмо смог выжать из себя, когда его увозили, – что *двое мужчин в черном* напали на него у церкви. Может случиться, что он заметил еще что-нибудь.

– Подозреваю, что «двух мужчин в черном» не объявили в национальный розыск?

Эрик пожал плечами.

– Объявили. Это было единственное, что начальник операции смог передать патрульным на выездах из города. Благодаря Квастмо они могут теперь спокойно помахать ручкой всем мужчинам, покидающим город в фисташковых костюмах или в розовых плюшевых кигуруми кроликов. На нынешний момент нам известно – от другого свидетеля – только то, что они удалились в сторону Фредсгатан, но сели ли они в машину, в катер или поплыли своим ходом, нам неизвестно.

– Может быть, взяли сегвей? – вставил Юнгберг.

– Вот именно, а то впору, черт подери, подумать, что они просто левитировали, поскольку патруль с собакой, первым оказавшийся на месте, не смог взять след.

Рикард нетерпеливо оглядел их.

– В лабораторию звонили?

Эрик кивнул.

– Да, они уже начали просматривать записи камер слежения Кунгстердгордена вместе со службой безопасности метро.

Он потянул себя за пальцы.

– Очевидно, что у убийц продуманная стратегия ухода – видимо, профессионалы.

Юнгберг задумчиво почесал подбородок.

– И все же странно. Одна из жертв получила пулю прямо в лоб, другие – куда попало: в руку, в шею и другие мягкие части. Как будто стрелки впали в стресс и начали импровизировать. Не очень-то профессионально. Или им кто-то помешал? – Он посмотрел на остальных. – Но никто не сообщал, что кого-то видел.

«Если этот человек все еще жив», – подумал Рикард. Он задумчиво оглядел окровавленную каменную лестницу и роскошный фасад банка. Пожал плечами.

– Или же это были безумцы, укравшие оружие и выстрелившие наобум в банковских служащих, вышедших из SEB, чтобы посеять страх, поскольку считают банк символом западного мира, капитализма и черт знает чего еще.

Рикард вглядывался в темноту парка. Там виднелись черные силуэты полицейских, охранявших ограждение. Он повернул голову. Мосты Старого города были полностью перекрыты. С другой стороны прибыло подкрепление. Полицейские выстроились в ряд перед дворцом и зданием Риксдага. Вероятно, и перед Русенбадом стоит парочка боевых вертолетов. Людей, возвращавшихся с работы, разворачивали обратно в сторону Шлюза. Ни одного человека в красной шапке.

– Нам что-нибудь известно о нашей Красной Шапочке?

Эрик покачал головой.

– То, что нам до сих пор не удалось его локализовать, может указывать на то, что он замешан в деле. Я просмотрел записи патрульных, где они снимали зевак у ограждения, – ни одной красной шапки не заметил. Но я проведу более подробный анализ сегодня вечером, когда выясню у лаборатории, нашли ли они что-нибудь в записях камер или нет.

– Что они успели увидеть в записях до нынешнего момента?

– Ни одного темнокожего. Ни одной шапки. Но криминалисты только начали. К тому же неподалеку от банка проходило много народу, прежде чем мы поставили ограждение. Пройдет немало времени, пока они просмотрят все записи и отследят всех людей, учитывая, сколько камер расставлено вблизи Кунгстредгордена.

Они посмотрели на дежурных криминалистов в белых одеждах, которые отмечали следы и составляли описание места преступления. На тротуаре у банковской лестницы валялись рванный зонтик, одинокая туфля и несколько монет. На другой стороне улицы все еще стояли припаркованные машины национального отряда быстрого реагирования. Рикард поеживался на холодном ветру, пробиравшемся под пальто. Полицейские в черной форме нервно разглядывали крыши. Им не позавидуешь. Впереди целое ночное дежурство на холоде. В парке Кунгстредгорден лежали остатки снега, окрашенные выхлопными газами, вперемешку с гниющими листьями. Можно ли выстроить траекторию через ветки деревьев? Он оглядел здание оперы, церковь, офисные здания, НК и здание банка «Нордеа». Пожалуй, Квастмо прав. Церковь вполне могла оказаться тем местом, с которого вели огонь мужчины в черном. Хотя вокруг имелись и другие крыши.

– Я попытаюсь вызвать Марию – тогда, возможно, мы получим предварительные результаты уже сегодня вечером. Нам нужен опытный криминалист, чтобы точно ничего не упустить.

Рикард не обратил внимания на многозначительные взгляды, которыми обменялись при этих его словах Эрик и Юнгберг. В последний год его и Марию, их лучшего эксперта-криминалиста, все в его окружении считали парой, хотя сам он не догадывался об их осведомленности. Рикард взглянул на помощников.

– По пути сюда я переговорил с Луизой. SEB уже связался с ней, чтобы помочь с идентификацией. И для того, чтобы – как выразилось контактное лицо – «банк и полиция могли договориться об совместной формулировке, прежде чем сделать какие-либо заявления для прессы».

Эрик рассмеялся сухим смешком.

– Чтобы это никак не повлияло на курс акций.

Юнгберг повернулся к Рикарду.

– Двое свидетелей говорят, что один из пострадавших вроде бы из отдела прайвет-банкинга.

Рикард кивнул и стал тыкать пальцем в телефон.

– Луиза прислала мне данные Альгенона Смита, начальника отдела прайвет-банкинга. – Он показал дисплей Юнгбергу. – Пошли ему снимки, сделанные криминалистами, тогда мы

быстрее узнаем имена потерпевших. И свяжись с их близкими, прежде чем начать делать обзор показаний свидетелей. Эрик поедет в больницу, а потом поможет тебе.

Никто не возражал.

– Отлично, тогда за дело. Я дождусь Марию, вместе осмотрим башню церкви. А потом она займется техническими следами самостоятельно, со своими ассистентами. У меня сегодня... э-э... назначена встреча.

Он заколебался, сам осознав, как это прозвучало.

– Придется отменить. Или поеду туда позднее.

Эрик не мог скрыть улыбку. «Когда это он успел с кем-то познакомиться?» – с удивлением подумал он.

– Вот как! И кто же эта счастливица?

Рикард отвел глаза.

– Да нет, это не то, что вы подумали. Это человек, который нам, может быть, пригодится как IT-эксперт.

Эрик продолжал улыбаться. Стало быть, вот в чем дело. На лице Рикарда все можно было прочесть как в открытой книге.

– А этот эксперт случайно не анархо-скейтер, осужденный за преступление против государственной безопасности, посвятивший полжизни противодействию полиции?

– Да, можно и так сказать.

«Так я и знал», – подумал Эрик. И правда, все они хорошо знали Линн с тех пор, как работали вместе весной при расследовании «кукольного убийства», однако он давно не слышал ее имени. Хотя летом они несколько раз встречались, он уже несколько месяцев не общался с ней.

– Очень мило. Передавай от нас привет. Но в чем она будет нам помогать?

– Э-э... это пока до конца не ясно.

«Особенно с учетом того, что расследование началось менее часа назад», – подумал он, пытаясь найти подходящий ответ.

– Собственно, я по личному делу.

И снова Рикард понял, что Эрик может неправильно понять слово «личный», и поспешно добавил:

– Мы с ней несколько месяцев говорили о том, что неплохо бы встретиться, но все не получалось, все время что-то мешало. Но я буду на связи, а попозже вечером вернусь. Постоянно сообщайте мне и Патрику Энглауму, как только у вас что-нибудь появится. Я буду поддерживать контакт с руководителями операции, которые отвечают за перекрытие дорог.

Эрик незаметно покачал головой. «Только не говори Марии, что ты собираешься на чашечку чая домой к Линн, когда вызвонишь ее сюда в пятницу вечером, а потом сам сможешь, оставив Марию работать в одиночестве на промозглой крыше», – подумал он. Одновременно он почувствовал укол зависти. Ему хотелось бы оказаться на месте того, кого Линн пригласила к себе домой. Впрочем, во всем виноват он сам. Мог бы и позвонить, а не просто выжидать, пока она позвонит сама. Кроме того, в памяти у него всплыло, что он, кажется, не ответил на ее эсэмэски. А она точно не из тех, кто будет за тобой бегать.

Рикард развернулся и направился к Энглауму, который жестом подозвал его к себе. В парке Кунгстредгорден его люди постепенно выпускали наружу сотрудников, находившихся в офисах неподалеку. В черных шлемах и защитных очках полицейские выглядели как грозные горнолыжники перед скоростным спуском. Со всех сторон мигали синие проблесковые маячки патрульных машин. Рикард понял, что об ужине с Линн придется забыть.

Глава 5

Амид в стрессе тыкал в экран телефона с раскрытой мобильной картой. До больницы оказалось гораздо дальше от метро, чем он думал. А нужно было спешить. Время – решающий фактор. Хотя это практически невозможно, оставалась крошечная вероятность, что мужчина очнется. Амид знал, что люди с застрявшей в голове пулей могли быть удивительно бодрыми, а потом впадали в кому, когда пулю извлекали.

Остановив такси и избегая камеры на переднем сиденье, он стал смотреть в боковое окно. Чтобы избежать ненужной болтовни, он специально дождался шведского водителя. Толстоватый мужик, смотревший прямо перед собой, оказался именно таким замкнутым и необщительным, какими, по слухам, и бывают шведы. За время поездки тот не проронил ни слова. Будь это человек из его родных мест, они успели бы обсудить всю совместную историю, начиная с Салах ад-Дина⁸.

Расплатившись наличными, он поискал глазами таблички, указывающие направление к отделению реанимации. По улице у Каролинской больницы двигалось множество людей – врачи, родственники, офисные служащие и семьи с детьми. У главного входа стояла одинокая полицейская машина. Оглядевшись, он незаметно проскользнул к соседнему зданию. На грузовом пандусе стояло несколько больших железных корзин с грязным бельем. Ему удалось найти зеленый костюм хирурга, подходящий по размеру. Он знал людей, работающих в Национальной больнице в Копенгагене, известной как «Королевство», и понимал: шансы, что кто-то из многочисленных работающих посменно врачей и медсестер отслеживает друг друга среди многотысячной армии сотрудников больницы, почти равны нулю. Надвинув на лоб кепку и глядя себе под ноги, он миновал автоматические раздвижные двери и направился прямо в туалет для пациентов с левой стороны. Там он быстро натянул украденную одежду и снова вышел к главному входу, стараясь ни с кем не встречаться глазами. Указатель с надписью «Отделение интенсивной терапии» отправлял в корпус F2, находящийся, судя по всему, в другом конце комплекса зданий больницы. Пройдя мимо гигантской картины, изображавшей гору и непонятно почему называвшуюся «Медный змий», он вышел наконец из здания с обратной стороны. Рассеянно кивнув курившим здесь медсестрам, он направился к отделению интенсивной терапии.

Войдя в коридор, он заколебался. За стеклянными дверями у самого входа он увидел полицейского в голубой форме, который сидел и читал. Дальше в глубине коридоре снова сотрудники в белом и зеленом. Инстинктивно он проверил под курткой кобуру с пистолетом «Glock 17» – хотя и предполагал, что тот ему не понадобится. Схватив блокнот с отметками уборщиц об уборке, висевший возле туалета, он двинулся вперед, делая вид, будто что-то записывает на ходу, и поприветствовал полицейского коротким кивком головы. Тот лишь мимоходом взглянул на него. Боковым зрением Амид отметил, что интересовавшее его имя было написано на белой табличке возле палаты номер два, чуть дальше по коридору от дежурящего полицейского. *Аландер*.

Стало быть, им уже удалось установить его личность. Самому ему не стоило труда запомнить имена выбранных жертв. И его босс Буфельдт, и начальник отдела безопасности концерна в последние дни неоднократно возмущались подлостью предателей. Остановившись ненадолго, он снова притворился, что делает заметки, и увидел через щелку двери, что Аландер лежит в постели. Неужели его уже успели прооперировать? Или ждут, пока хирург поставит неврологический диагноз, оценивая возможные факторы риска перед операцией? В палате

⁸ Салах ад-Дин, или Саладин, – султан Египта и Сирии в XII веке.

находилась одна медсестра. Похоже, травматологи свое уже закончили. Но медсестра все равно была лишней.

Амид ощущал присутствие полицейского в другом конце коридора. Тот отложил газету и, казалось, уставился на него. Или просто смотрел в одну точку? Амид сделал глубокий вдох. Сосредоточился. Никто его не подозревает. Он ведет себя в точности как все остальные работники больницы. Решительно двинувшись дальше, устремив взгляд в свой блокнот, мимо суетившихся санитарок, он дошел до последней палаты в коридоре. Заглянул в стеклянную дверь. Там было почти темно, только слабый свет от одинокой лампочки у пола. В палате он разглядел очертания неизвестного мужчины, лежащего в постели. Шагнув в полумрак, Амид изо всех сил напряг зрение. Разглядел капельницу, приборы и электроды, подсоединенные к груди мужчины. К застоившемуся воздуху в палате примешивался запах дезинфицирующего средства. Вероятно, вечерний обход уже закончился. На скамейке рядом с мужчиной лежали компрессы, пластыри, одноразовые перчатки и асептические влажные салфетки.

И скальпель.

Надев хирургические перчатки, он положил на голову мужчины полотенце и провел скальпелем по его руке. Быстрым движением он сделал мощный надрез вдоль вены, чтобы обеспечить максимальный разлив крови. Все заняло не более секунды. Мужчина вздрогнул и издал вымученный крик. Выходя из палаты, Амид нажал на кнопку вызова дежурной медсестры и незаметно проскользнул в палату напротив.

Мимо пробежали медсестры. Еще некоторое время они будут заняты, пытаясь остановить кровь. Он ждал. Перед его глазами повернулась ручка двери. Кто-то собирался войти в палату. Его заметили? Он прижался к стене в самом темном углу, стиснув в руке острый как бритва скальпель. Кто-то по-прежнему держал руку на ручке двери. Снаружи доносилось бормотание голосов. Ручка двигалась вверх-вниз, словно кто-то колебался. Но никто не вошел. Ручку отпустили, наступила тишина. Амид выждал несколько секунд, потом выглянул наружу. Дверь в палату напротив стояла нараспашку. Несколько человек перевязывали кровоточащие раны мужчины. Наверное, подумали, что тот пытался покончить с собой. На Амиду никто не обратил внимания. Он быстро направился в палату Аландера. Полицейский сидел на своем месте. Он снова вернулся к газете, погружившись в решение кроссворда, кажется не обращая внимания на то, что происходит в другом конце коридора.

Амид заглянул в палату. Медсестра убежала на срочный вызов. Аландер лежал в постели в полном одиночестве. Голова была обмотана бинтами, которые придерживала круглая сетчатая повязка. Глаза у него были закрыты. Кислородный концентратор качал по шлангу кислород прямо в горло, прибор ЭКГ показывал слабую, но ровную сердечную частоту. Парень явно не в форме. Однако он жив, что само по себе плохо. Но успел ли он с кем-нибудь поговорить? Исключено.

Амид взял подушку, лежавшую в кресле рядом с кроватью, но потом передумал. На столе рядом с кроватью он увидел стеклянную бутылочку. «Морфин. Раствор для инъекций, 50 мг/мл». Он знал, что удушение – весьма ненадежный метод. Люди, которые казались умершими от нехватки кислорода, иногда восставали из мертвых. Но морфин – надежный товарищ. С некоторым колебанием он взял шланг от респиратора, сделал из него петлю, вставил туда руку Аландера и затянул.

Взяв шприц, он ввел иглу в пробку, чтобы набрать жидкость. На тот факт, что медсестра нарушила правила, оставив морфин без присмотра, он, пожалуй, готов закрыть глаза. А 1000 мг морфина, без сомнений, обеспечат успешный и устойчивый результат. Особенно учитывая, что сердце Аландера уже едва стучит.

В коридоре послышались голоса. Амид похолодел. В висках застучало. Черт, неужели медсестра уже возвращается? Он крепче затянул шланг вокруг руки Аландера, нетерпеливо постукивая по коже, но вены не появлялись. Он сжал пальцами его руку, чтобы создать давле-

ние. Шаги в коридоре приблизились. Наконец проступили слабые синие контуры вены. Амид вонзил иглу. Аландер не отреагировал. Вена надулась, когда Амид быстро ввел морфин в кровь. Потом раздался приглушенный звук, похожий на бульканье. Амид поспешно бросил взгляд на лицо мужчины. Тот открыл один глаз, глядя прямо на него. Рывком вытащив пустой шприц, Амид стал в испуге отступать. Грудная клетка Аландера поднялась, раздался угрожающий хрип. Тело задергалось, как в спазмах. Затем мужчина обмяк и опустил веки. Амид стоял, замерев, глядя на неподвижное тело, на несколько секунд почти ожившее. Потом очнулся, схватил портфель, стоявший у кровати, и засунул во внешнее отделение бутылку с морфином и шприц. Видимо, Аландер по-прежнему сжимал в руках свой портфель, когда сотрудники «Скорой помощи» забрали его с лестницы банка SEB.

Снаружи снова слышались приближающиеся шаги. Амид вжался в угол, сжал правую руку в кулак, готовясь пробиться наружу. Выжидал. Медсестры прошли мимо, не заходя в палату.

Он посмотрел на человека, лежащего в постели. На локтевом сгибе Аландера виднелось небольшое красное пятно. Скоро оно исчезнет. Не прошло и минуты. Покосившись в сторону коридора, он глянул на прибор ЭКГ. Кривые упали вниз и шли теперь почти горизонтально. В любую секунду может раздаться сигнал тревоги. Закрыв за собой дверь, он крепко сжал портфель и прошел мимо полицейского, отвернув лицо. Достав из заднего кармана черную кепку, натянул козырек на лицо. За спиной он услышал сигнал тревоги из палаты Аландера. Вскоре кто-нибудь отрапортует, что сердечная деятельность прекратилась и больше ничего сделать нельзя.

Сам же он отрапортует, что задание наконец-то выполнено.

Глава 6

Паника начала подступать уже в тот момент, когда Эрик припарковал машину позади корпуса F2 Каролинской больницы. Хотя он не признавался в этом другим, больницы он предпочитал избегать. В своей профессиональной деятельности ему не раз случалось видеть ужасные места убийства, заниматься окровавленными жертвами преступлений, задерживать психопатов-убийц или поднимать из воды распухшие тела – все выдерживала его нервная система. А вот посещение больниц давалось ему с большим трудом. И плевать, что это никак не вязалось с его имиджем, обнаруживало в нем слабость.

Что-то гнетущее чувствовалось во всей обстановке, хотя она должна была бы внушать надежду. Ведь все работавшие там были настроены помогать другим. Кроме того, мало кого он уважал так же сильно, как сотрудников больниц. И медиков вообще. Нигде больше он не встречал такого человеческого сочувствия и такой теплоты – несмотря на стресс, низкие зарплаты и нечеловеческую нагрузку. И все же, когда он направился к входу, его охватило острое чувство дискомфорта.

Он неосознанно замедлил шаг. Ему было известно, что в отделениях спасают жизнь, однако его не покидало гнетущее чувство, что он входит в зал ожидания смерти. Хотя он осознавал, что это – иррациональное чувство, это несколько не помогало, едва в ноздри ударял запах чистящих средств, болезни и дезинфекции. Стерильная обстановка и яркое немилосердное освещение. Как в детстве у зубного врача. Едва войдя, он заметил, как дышать стало тяжело. Казалось, в узком коридоре не хватает воздуха. Проклятье – у них что, не работает вентиляция? На лбу выступил пот, кожа горела, сердце тревожно заколотилось. Эрик попытался применить одну из стратегий, которым обучился: переместить фокус внимания. Усилием воли вызвал в памяти образ солнечного летнего дня и кружки холодного пива.

Получилось так себе. Тогда он остановился возле фонтана с питьевой водой и стал умываться, пытаясь дышать спокойно. Больше он ничего не успел, поскольку рядом распахнулась дверь и раздался громовой голос:

– Стоять! Не шевелись! Руки к стене!

Паническая атака мгновенно прошла, едва Эрик увидел могучего полицейского, на полной скорости приближающегося к нему по коридору. Он едва открыл рот, чтобы ответить, когда полицейский подскочил к нему, схватил за плечо и прижал к стене. Он почувствовал, как тот ударом ноги развел его ноги.

– Руки к стене, я сказал. Документы!

– Успокойся, мы коллеги. Эрик Свенссон, инспектор криминальной полиции. Центральный район.

Рослый полицейский, видимо, приготовился к атаке и не понял, о чем говорит Эрик.

– Документы! – прорычал он. Эрик достал из кармана удостоверение, пока полицейский держал его лицом к стене, положив другую руку на кобуру пистолета. Извернувшись, Эрик умудрился вырваться и сунуть свое удостоверение прямо в лицо полицейскому. Подавшись вперед, он отчеканил, брызгая слюной:

– Инспектор криминальной полиции Эрик Свенссон! Центральный район!

Сбитый с толку, полицейский отступил на пару шагов. Эрик с раздражением глянул на него.

– Я пришел поговорить с тем человеком, которого ты охраняешь.

Краснота распространилась по шее и лицу рослого полицейского.

– Э... угу... ага. Понял. Приходится проявлять бдительность. Мне дано строжайшее указание никого не впускать – ни журналистов, ни близких пострадавшего. Насколько я понял, дело высокой степени риска. Учитывая нападение на короля.

– На короля? Ты о чем?

Полицейский заморгал.

– Ну, я невольно слышал разговор медсестер о перестрелке неподалеку от королевского дворца. – Он с заговорщическим видом понизил голос: – Ну, тут я и сложил два с двумя.

– Хорошо, но мне надо побеседовать с пострадавшим. Какая медсестра отвечает за него? Полицейский толкнул дверь, вошел впереди него и жестом подозвал одну из медсестер.

– Вот она. Но с ним ты поговорить не сможешь. Ведь он умер.

Эрик почувствовал, как в глазах почернело, и с трудом подавил импульсивное желание дать полицейскому пинка под зад.

– Что за чертовщина? Ведь он в реанимации? На интенсивной терапии?

Оттолкнув в сторону полицейского, он направился к медсестре.

Они стояли у безжизненного тела. Медсестра накрыла лицо простыней.

– Он умер, не приходя в сознание. Мы провели экстренную операцию, извлекли пули из руки, шеи и грудной клетки. Пулю в голове оставили. Доктор счел, что извлекать ее сейчас связано с большим риском. Однако умер он не от этого.

Эрик посмотрел на нее с удивлением.

– А от чего же тогда?

– Мы пока не знаем. Но фактическая причина смерти – остановка сердца. Сердце внезапно перестало биться, хотя состояние после операции было стабильное. Доктор ничего не понимает. Пациент был относительно молод и хорошо тренирован. Организм должен был бы справиться.

Эрик оглядел мертвого. Из-под повязки виднелось несколько темных прядей. Лидо было бледное. Темно-красное пятно распространилось вокруг одного глаза Аландера. Кровоизлияние в результате падения или огнестрельной раны. Губы сухие и шершавые, на них застыла неуместная улыбка. Глаза закрыты. Мужчина умер во сне. Или же медсестра опустила ему веки.

– Кто-нибудь приходил, спрашивал его?

Она покачала головой. Эрик наклонился ближе к мертвому, оглядел кожные покровы. Никаких следов того, что кто-то держал его. Никаких следов укола иглой.

– Мне понадобится список с фотографиями всех, кто сегодня дежурил. Для того, чтобы исключить, что кто-то посторонний мог проникнуть в отделение.

– Попрошу секретаря составить список. Думаю, это быстро. – Она улыбнулась ему. – Есть свои плюсы в том, что у нас такая нехватка персонала. Не так много народу.

Он уже повернулся, чтобы идти, когда она окликнула его.

– Хотя – подождите, я кое-что вспомнила. Здесь побывал какой-то наркоман. Ему удалось проникнуть в отделение, переодевшись в одежду хирурга. Задним числом одна из сестер сообразила, что он не из нашего отделения. Но к тому моменту он уже убежал с морфином.

Поколебавшись, она кивнула на тело, распростертое на койке.

– Я нарушила правила. Убежала, услышав сигнал тревоги, и оставила его одного в палате. А когда я вернулась, бутылочка с морфином пропала.

Эрик стоял молча, ощущая, как по спине пробежал холодок.

– Ваша коллега обратила внимание, как выглядел тот наркоман?

– Она уже сменилась. Обратила внимание, что на нем была зеленая одежда. И что он... э... немного темнокожий.

Эрик стоял и ждал, пока рослый полицейский вертел в руках список с фото, а потом начал сначала, ведя пальцем по всем 14 фотографиям.

– Тут нет иракца.

– Что? Кого?

– Иракца в зеленой одежде, который сдал смену и ушел в тот момент, когда в палате потерпевшего зазвучала сирена.

– Он сам сказал, что он из Ирака?

Полицейский громко рассмеялся.

– Уж такое я знаю как никто. Брат служил в Ливии и Ираке – в миротворческих войсках, у него оттуда масса фоток и видео. Тот парень в зеленом точно из Ирака. Темнокожий. Но светлее, чем ты. Извини, если что.

Эрик почувствовал, что ему пора. Выйдя из больницы, он жадно вдохнул свежий воздух. «Все сходится», – подумал он. Мужчина с ближневосточной внешностью (проверить), который не стрелял в пострадавших у банка, а скорее был глазами стрелков на земле, теперь выполнил задание, умертвив выжившего в больнице. Судмедэксперты наверняка найдут на руке Аландера след укола. А в крови – следы избыточной дозы морфина.

Они ищут как минимум трех злоумышленников: двоих в черном и одного смуглокожего. *Очень* много зацепок.

В парке Кунгстредгорден появилась Мария Сёдерлунд на велосипеде. Ее короткие волосы, стриженные под каре, развевались на ветру. Она улыбнулась ему и помахала пальцами, не отпуская руль. «Выглядит она потрясающе», – подумал Рикард. Он поспешил засунуть телефон в карман, поскольку только что закончил импровизированную телефонную конференцию с важнейшими участниками расследования: СЭПО⁹, лабораторией и Луизой. Юнгберг тоже принял участие, а вот до Эрика дозвониться не удалось. Рикард быстрым шагом направился навстречу Марии.

Заперев велосипед, Мария обняла Рикарда. Его приятно согрело тепло ее тела. Радость охватила душу, хотя они находились в том месте, где только что застрелили трех человек. Мария смогла приехать очень быстро, хотя было не ее дежурство. Прошло не больше двух часов с того момента, как прозвучали выстрелы. Она скинула рюкзак и достала фотоаппарат. Сверкнул яркий свет, когда она стала проверять мощную вспышку.

– Пострадавших уже увезли. Несколько свидетелей еще здесь, но большинство допросили и отправили по домам.

– Что вам удалось выяснить?

Он указал на церковь Св. Якоба.

– По нашей версии, стрелки находились на крыше церкви. Но ни вертолеты, ни водная полиция не обнаружили следов. Я поговорил с одним из кинологов, которые только что провели расширенный обыск территории, – похоже, злоумышленники уплыли на лодке или катере от Стрёмборга. Должно быть, пробрались под Центральным мостом и причалили под прикрытием кустов, свисающих с каменной набережной. Там следы обрываются. Так что они могут находиться где угодно. Думаю, они теперь лягут на дно – в ожидании, пока мы снизим интенсивность поисков.

Он повернулся к входу в SEB. У тротуара затормозила машина, из нее вышли двое ассистентов Марии в белых комбинезонах. Им предстояло сменить дежурных экспертов-криминалистов. Мария потребовала, чтобы ей придали тех людей, которых она сама выберет. Права на ошибку нет. Рикард кивнул ассистентам и снова обернулся к Марии.

– Но, по словам свидетелей, вблизи лестницы находился человек в красной шапке, так что могут быть следы. Скажем, отпечатки ботинок.

⁹ СЭПО – служба государственной безопасности Швеции.

Мария натянула защитный комбинезон и одноразовые перчатки. Рядом с ней ассистенты устанавливали ультрафиолетовые лампы, направляя свет на ступени лестницы. Мария повернулась спиной к Рикарду.

– Хорошо, сейчас я займусь делом. Потом вместе осмотрим церковь.

Оставив ее одну, он направился к церкви, поговорил с полицейскими, стоявшими в оцеплении у церковной лестницы. Похоже, они замерзли. Потом он обошел вокруг церкви, оглядев высокие стены. Должно быть, снайперы проникли в церковь и поднялись на башню. Увидев приближающихся ассистентов Марии, он повернулся и пошел обратно к банку. Мария по-прежнему сидела на корточках внутри ограждения. Он молча наблюдал за ней. В свете мощных прожекторов ее фигура отбрасывала длинную тень на фасад банка. На ступенях виднелись темные пятна. Мария убрала камеру и сейчас складывала в крошечные пакетики образцы крови. Потом она вдруг остановилась, не сводя глаз с лестницы, и рассеянно положила пакетик с уликами в рюкзак. Достав пинцет, обернулась к Рикарду.

– Я почти закончила, осталось одно маленькое дельце. Что-то застряло между ступенями.

Он кивнул. Она и вправду очень хороша. Сосредоточенное выражение лица и волосы со светлой прядкой, падающей на глаза.

– Хорошо, церковный сторож ждет нас у церкви. Но спешки нет.

Он отошел в сторонку.

Мария радовалась, что Рикард наконец понял, как она работает. Ей лучше работается в одиночку или, по крайней мере, в тишине, без лишней болтовни. Даже если речь идет о случае, над которым она работает. Боковым зрением она отметила, что он повернулся к ней спиной и разговаривает по телефону.

Предмет, забившийся между мощными каменными ступенями, был едва различим для глаза. Только крошечные осколки указывали: что-то с большой силой ударило о камень. Мария осторожно достала пинцетом ружейную пулю, вошедшую клином между ступенями. Оглядев деформированный предмет, имевший длину спичечного коробка, она положила его в пакетик для улик.

– Что-то удалось обнаружить?

Она обернулась. Рикард стоял позади нее.

– Тут масса отпечатков ног и рук, которые эксперты уже отметили. Но большинство из них, скорее всего, принадлежат сотрудникам, которые вышли из банка. Лаборатория сравнит с отливками следов тех, кого удалось идентифицировать и кто находился на лестнице, – посмотрим, не обнаружится ли отпечатков, которые оставили не они.

Она показала ему пакетик с деформированным металлическим предметом. Пуля.

– Вот единственное конкретное. Пуля, ударившая в лестницу. Думаю, калибр и тип соответствуют тем, которые судмедэксперт извлечет из тел погибших. Если работали профессиональные снайперы, то это, возможно, единственная пуля, не попавшая в цель. Или же мы найдем еще пули, когда расширим область поисков. Пули, ударяющиеся о твердые материалы, могут от ricochetить на несколько метров.

– Можно ли отследить ее по маркировке на доньшке?

– Вряд ли. Это обычный тип патронов для дальней стрельбы. Гильза скорее сделана из вольфрама, чем из меди, чтобы выдержать высокие температуры, возникающие при трении.

Она покрутила пакетик с пулей.

– 7,63 миллиметра. Или 5,56. На черном рынке таких море. Или если у кого есть связи среди военных. Но я посмотрю завтра повнимательнее, тогда увидим.

Рикард взял пакетик, оглядел пулю и вернул обратно, потом поднял глаза и обвел взглядом крыши домов.

– Думаю, продолжения не будет. Перед тем как ты приехала, я беседовал с Луизой и СЭПО. Похоже, дело сделано. Жертвы мертвы. Независимо от того, охотились ли на этих конкретных людей или же злоумышленники стреляли наобум по представителям банка, чтобы донести свое послание, – задание, похоже, выполнено.

– Кто-нибудь взял на себя ответственность? Это террористы?

Рикард покачал головой.

– Нет, в СМИ никто не обращался. Так что не похоже на символическое действие, признанное привлечь внимание к какому-либо политическому вопросу.

Рикард разглядывал церковь Св. Якоба, к которой они приближались.

– Или на нечто религиозное. По крайней мере, СЭПО пока не удалось найти никаких связей. Но Юнгбергу с помощью начальника службы безопасности банка удалось идентифицировать пострадавших. Погибших зовут Маркус де Нейден и Мартин Гренфорс. Им тридцать семь и тридцать девять лет. Оба из Стокгольма. Третий человек такого же возраста, Юханнес Аландер, находится в Каролинской больнице.

– Юнгбергу удалось еще что-нибудь выяснить?

– Конкретной угрозы банку нет. Но все пострадавшие работали в одном отделе.

Мария изумленно взглянула на него.

– Ну, тогда это точно не случайное совпадение. Но ни одна террористическая группа не угрожала конкретно им?

– Во всяком случае, наше контактное лицо в банке SEB ничего такого не знает – судя по словам Юнгберга. А СЭПО не располагает информацией о повышении угроз в отношении этого банка. – Он задумчиво посмотрел на девушку. – Но я с тобой согласен. Вероятно, то, что они из одного отдела, имеет значение.

Но что это может означать? Если снайперы целились в определенных людей, значит, они не ставили своей целью посеять страх, отстреливая наобум банковских служащих. Или же трем коллегам просто не повезло и они вышли вместе в неподходящий момент? Он нетерпеливо похрустел пальцами.

– Лаборатория обнаружила коротенький отрывок видео, запечатлевший двух людей в черном на улице Фредсгатан – с 16.33 до 16.34. Это могут быть те, кто вышел из церкви. Однако их не зарегистрировала ни одна другая камера наблюдения – вероятнее всего, они уплыли на лодке от Стрёмберга.

– Вы связались с семьями погибших?

– Kontakтами с родственниками занимается Юнгберг. Он позвонил родителям погибших и сообщил о смерти, а завтра встретится с ними лично. Но жен или спутниц жизни, похоже, нет.

– Наверное, следовало бы поговорить с коллегами погибших. Кстати, им обеспечена защита? Вдруг кто-то решил поубивать всех из этого отдела.

– Мужчин уже идентифицировали и отпустили – еще до того, как мы выяснили, что они коллеги погибших. Но Эрик обещал организовать наружное наблюдение по их адресам. А завтра мы пригласили их для первого допроса.

Никто из них не произнес ни слова, когда они вошли в тень под деревьями парка. Летом Кунгстредгорден – весьма романтическое место, где влюбленные парочки сидят за столиками в кафе вокруг статуи Карла XII. Беззаботные влюбленные видят только друг друга, не обращая внимания на тень милитаристского короля, стоящего с вытянутой рукой и предупреждающего об опасности со стороны русских. В углу парка столпились вокруг своих машин полицейские. На этот раз беда пришла с другой стороны. Рикард покосился на Марию. Казалось, на нее навалились напряжение и усталость. Рикард подавил в себе желание обнять ее за плечи. Это скорее возымело бы противоположный эффект сейчас, когда ее мысли заняты совсем другим. Ее взгляд был устремлен на башню церкви, возвышавшейся перед ними.

– Как у тебя вообще? – спросил он.

– В последнее время очень много всего. И на работе, и в семье. Мама переехала в дом престарелых. Она все больше теряет ориентацию. С другой стороны, очень трудно найти такое место, которое вызывало бы доверие. Ты наверняка читал в газетах о скандале с «Care4Me». Мне потребовалось потратить массу времени, чтобы проверить ее дом престарелых и убедиться, что все обещанное действительно делается.

– Но теперь все наладилось?

– Поначалу наладилось. Она жила в «Сульгордене» от шведской церкви. Но несколько месяцев назад их скупила «Care4Me» и превратила в гигантский комплекс. С тех пор все пошло наперекосяк. Сотрудники стараются изо всех сил, но на них возложены огромные обязанности по экономии, и постоянно появляются новые люди из рекрутинговой компании.

– Почему ты не переведешь ее?

– Куда? Всем, что есть поблизости, теперь владеет «Care4Me». А мама хочет оставаться в том районе, который хорошо знает.

Они миновали черный силуэт чайного домика. Ни одного торговца наркотиками в пределах видимости. Торговля, обычно проходившая под прикрытием самшитовой изгороди, после нападения на SEB, вероятно, срочно перебазировалась в другое место. Рикард почувствовал руку Марии на своем плече.

– Но я рада, что мы встретились.

Она подняла глаза, разглядывая купол башни.

– Пуля, которую я нашла, выпущена из снайперской винтовки. Так что твоя версия по поводу снайперов на крыше вполне разумна. Посмотрим, что скажут эксперты по баллистике по поводу угла – в свете того, что обнаружат судмедэксперты. Зайдем внутрь?

Мария кивнула одному из своих ассистентов, стоявшему на коленях у огороженной церковной лестницы.

– Что-нибудь нашел?

Ассистент покачал головой.

– Только брызги крови. Вероятно, от пострадавшего полицейского.

Осторожно обойдя ассистента, они взялись за массивную церковную дверь – и в ту же секунду лысый человек распахнул ее изнутри. Мария инстинктивно попятилась, когда он шагнул ей навстречу. Он выглядел как смерть из «Седьмой печати»¹⁰.

– Я уже занервничал, что вы не придете.

Долю секунды ей казалось, что это реплика из фильма, но тут мужчина протянул ей руку.

– Эскиль Ньюберг. Я церковный сторож.

Марии пришлось взять себя в руки, чтобы не рассмеяться в этой гротескной ситуации. Низкий глухой голос. Разросшиеся липы с растопыренными ветками, при свете фасадного освещения отбрасывающие на стены церкви причудливые тени, похожие на скелеты. Грязно-коричневые горы снега, образовавшие вокруг здания временный крепостной вал. Где же притаился Носферату¹¹?

Рикард кивнул сторожу.

– Хорошо, что вы смогли остаться и дождаться нас.

За спиной у них раздавались голоса и смех из длинной очереди, выстроившейся перед кафе «Опера».

– Нам нужно подняться на самый верх. На башню. Много времени это не займет.

Вопросов Эскиль не задавал. Он уже догадался, в чем дело.

– Никаких проблем, у меня со временем все в порядке. Я ночую в церкви.

¹⁰ «Седьмая печать» – знаменитый фильм шведского режиссера Ингмара Бергмана.

¹¹ «Носферату, или Симфония страха» – классический немецкий немой фильм ужасов.

Мария успела представить себе мужчину, лежащего в открытом гробу, когда он сам догадался, что его слова требуют пояснений.

– Тут есть дежурная комнатка. Сам я вдовец, много времени провожу на работе. Дети давно выросли, живут отдельно. Сами знаете.

Вслед за ним они вошли в здание церкви. Казалось, с ними вошли ноябрьские сумерки. Мужчина зажег свечу и подвел их к массивной деревянной двери, достав ключ совершенно средневекового вида. Поковыряв им в замке, мужчина вытащил его и с удивленным лицом обернулся к ним.

– Дверь не заперта. Так не должно быть.

За дверью виднелась крутая лестница, уходящая вверх. Попросив сторожа остаться внизу, они поднялись на башню.

Едва ступив в открытое пространство под куполом, они сразу заметили, что здесь кто-то побывал. Мария посветила карманным фонариком. Здесь было тесновато, однако достаточно места, чтобы два взрослых человека могли лежать рядом. В слое грязи на полу отчетливо виднелись отпечатки ног и локтей. Силуэты тел. Мария и Рикард посмотрели вверх. Над ними висел мощный каменный купол, опирающийся на четыре колонны. Мария натянула новые защитные перчатки, достала фотоаппарат и положила линейку рядом со следами в грязи.

По прошествии нескольких минут она обернулась к Рикарду.

– Здесь лежали два человека. Один рослый, второй невысокий. Вероятно, они целились через просветы в ограждении. Уж не знаю, как они смогли найти нужный угол для выстрела, учитывая все деревья, которые заслоняют обзор.

Она опустилась на колени и направила свет карманного фонарика через отверстие в каменном ограждении. Мощный поток света разрезал воздух. Они заметили ее одновременно: прямую линию огня, проходящую прямо сквозь кроны лип. словно землемер прошелся своим нивелиром. Или снайпер с оптическим прицелом направлял по телефону действия того, кто подстригал деревья. Верхние ветки были аккуратно острижены, как по линейке. Хотя свет фонарика не дотягивался до конца, сомнений не оставалось – эта линия обеспечивает прекрасный обзор лестницы банка SEB.

– Подержи, пожалуйста, фонарик.

Он светил ей, пока она документировала ниточки и отпечатки. Потом остановилась и подобрала пинцетом предмет, закатившийся под каменное ограждение.

– Мы точно обнаружили верное место.

Она поднесла к свету пластмассовую гильзу.

– Это вставка, чтобы заполнить трубку до нужного диаметра для патронов меньшего калибра. Благодаря этой штуке и пулям мы скоро определим вид оружия.

Рикард кивнул и попытался посмотреть в сторону банка SEB, однако морозящий дождь окутал весь парк Кунгстредгорден серым мутным туманом. На освещенном мосту Стрёмбрун, словно муравьи, двигались взад-вперед патрульные полицейские, плотно запахнувшись в свои мундиры. Под аркой моста у их ног тревожно пенилась вода. Рикард проверил свой телефон. Никто не звонил. Ни Эрик, ни Юнгберг, ни кто-либо из начальников подразделений, перекрывших дороги. Преступники бесследно исчезли. Мария жестом показала ему, что заканчивает осмотр тесного помещения под куполом башни. Вернувшись к дверце, она достала дактилоскопическую кисть. Рикард отступил в угол. Мария опустила пышную кисточку в смесь сажи и магнита, встряхнула ее так, что черный дождь излишнего порошка просыпался на землю, и провела по ручке и поверхности дверцы. Ничего не найдя, она повторила процедуру, плотнее провела кистью по металлу, а затем покачала головой.

– Ничего.

В кармане у Рикарда завибрировало. Он отвернулся, заговорил приглушенно, чтобы не мешать Марии работать.

Она почти закончила, когда он отключил разговор и повернулся к ней.

– Звонил Эрик. Он едет из Каролинской больницы. Кто-то убил пострадавшего из банка SEB. Прикончил его уже в отделении смертельной дозой морфина. Судмедэксперты выехали туда.

Мария внимательно посмотрела на него.

– Значит, убийцы действительно охотились именно на этих людей.

Он мрачно кивнул.

– Один из убийц пробрался в больницу, чтобы завершить задание. Позаботился о том, чтобы все трое умерли. Трое мужчин из одного отдела.

– Непохоже на теракт, раз охотились за конкретными людьми. Значит, убийцы не стремились напасть на банк как символ чего бы то ни было.

И она была права.

– Согласен. Если бы за нападением стояли фанаты из ИГ, им было бы все равно, кого именно застрелить.

У Рикарда болели глаза, текст на мониторе расплывался перед ним. Он откинулся на спинку стула в своем кабинете. В животе громко урчало. Так больше нельзя. Он отодвинул чашку с остывшим кофе. Кофеин уже не оказывал желаемого действия. Эрика и Юнгберга он отправил домой, когда они начали засыпать за компьютерами. Мария занята в лаборатории. Достав телефон, он неуклюже потыкал в кнопки и отправил эсэмэску Линн.

Операция вошла в новую стадию. Интенсивность первых часов улеглась. Разыскиваемые либо покинули Стокгольм, либо где-то спрятались. Действия полиции по-прежнему координировал Патрик Энглаум. На Рикарда была возложена ответственность за следствие. Беатрис и другие, дежурившие в ночь, приняли эстафету, продолжая анализ данных, пока Рикард не вернется завтра утром. Пока они проверяли и резюмировали свидетельские показания, обменивались текущей информацией с полицейскими, дежурящими на месте, дожидаясь нового анализа ситуации от СЭПО.

Шея затекла. Спина ныла. Он должен сделать перерыв. Ему сорок пять. Он уже не в состоянии работать круглосуточно – организм начинает возражать. Где бы он ни находился, телефон у него всегда включен. Если понадобится, его всегда найдут. Протерев глаза, он пролистал последние добавления экспертов. Последняя проверка. Они не нашли новых видеозаписей, запечатлевших двух мужчин в черном. Зато лаборатории удалось локализовать на одной из записей камер в Кунгстредгордене человека в кепке. Затем этот человек появился на видео в метро «Ст. – Эриксплан». Позднее тот же человек оказался зарегистрирован камерами таксопарка «ТаксиКурир», когда его подвозили в Каролинскую больницу. Рикард посмотрел короткие записи. Лица мужчины ни на одной из них не было видно. Только надвинутый на глаза козырек с логотипом Nike. Рикард попытался увеличить изображение, но получил лишь черную тень, лишенную очертаний. Он кликнул на последний клип. Снова та же кепка, входящая через главный вход в Каролинскую больницу, и, наконец, спина мужчины, когда он десять минут спустя покинул отделение реанимации и растаял в темноте. Ни одна камера поблизости не зарегистрировала его. Рикард переслал материалы Беатрис и Энглауму, хотя одежда мужчины мало что давала.

Глава 7

Взглянув на небо, Линн громко выругалась. Дождь не то чтобы полил сильнее, а просто сгустился, превратившись в тропический ливень. Только холодный как лед. Вытерев рукавом лицо, она попыталась максимально спрятать под куртку скейт «Loaded».

На прогулку она отправилась, чтобы развеяться. Понадеялась, что катание успокоит ее. Фотографии на сайтах новостей оказались ужасающие. Раненые и убитые в Кунгстредгордене. Похоже, очередной теракт. Ее тетушка Луиза, начальник следственного отдела полиции Центрального района, выступила на пресс-конференции вместе с представителем СЭПО. Пока никаких следов злоумышленников. Линн шагала вперед по дорожке. В животе ныло. Одна из ее коллег по научной работе находилась в Кунгстредгордене всего за несколько минут до атаки. Линн и сама побывала там всего пару дней назад. Все это происходит совсем рядом. Как во время теракта на Дроттнингатан. В голове стучало. В висках пульсировала кровь. Ситуация усугублялась тем, что Линн по-прежнему ощущала похмелье.

Накануне вечером ее коллеги по КТИ отмечали завершение первой части ее диссертации. Вино лилось рекой. Не то чтобы приближался день защиты, до него было еще далеко, но количественные исследования, доказывавшие эффективность и надежность трех выбранных систем криптографии, были готовы для включения в будущий анализ.

Она не привыкла употреблять алкоголь в больших количествах – и это стало еще одной причиной того, что она вышла покататься, хотя уже стемнело. Ей хотелось вспотеть и подышать свежим воздухом. Дойдя до яхт, поставленных на зимнюю стоянку рядом с яхт-клубом Орсты, Линн отчаялась и повернула назад. На узкой тропинке, идущей вдоль залива Орставикен, не видно было ни души. Ни упорного бегуна, ни промокшего собачника в желтом свете уличных фонарей. После того, что случилось, все сидят по домам. Впереди тропинка уходила в темноту и сливалась с черной водой. Кто-то разбил фонари.

К темному участку дороги Линн приближалась с неприятным чувством. Правда, этим путем она ходит почти каждый день. Однако темнота, окружившая ее, показалась ей угрожающей. Нервы были напряжены до предела. Доску она держала перед собой обеими руками – хотя и маловероятно, чтобы в такую погоду, когда хороший хозяин собаку не выгонит, откуда-то появился бы насильник. А у террористов едва ли есть дела на пустой набережной. Она бросила взгляд через плечо, сама раздражаясь по поводу того, что не смогла удержаться от этого действия. Ни один парень не ощущал бы на ее месте такой тревоги. И это притом что она ежедневно ходила на тренировки по самообороне, когда активно участвовала в деятельности «Антифа». Впрочем, дело давнее.

Едва миновав темную часть набережной, она услышала за спиной голоса. Метрах в трехстах от нее двигалась компания – человек десять парней лет двадцати с небольшим. Они сразу же заметили ее, едва она шагнула в свет фонарей, принялись толкать друг друга, проливая пиво из банок, которые держали в руках. Стали окликать ее.

– Эй, девчонка! Погоди! Давай поболтаем! Ты на скейте катаешься, да?

Она услышала, как их приятели издевательски заржали. «Сначала головная боль, потом дождь, а теперь вот это. Сил моих нет», – подумала она. И как народ может шляться по улицам и сосать пиво – через несколько часов после террористической атаки? Что у людей в головах? Менее всего ей сейчас хотелось вступать в перепалку с компанией пьяных идиотов, лопающихся от избытка тестостерона, которые подначивали друг друга приударить за ней. Или сделать что-нибудь похуже. Полностью игнорируя их, она прибавила шагу.

– Малышка! Красавица! Остановись, поболтаем. Наплюй на моих приятелей, они просто шутят.

За спиной она слышала, как парни тузят друг друга в шутовой перепалке, которая легко могла перейти в настоящую драку.

– Черт, цыпочка, это же просто харам, я ведь просто пошутил. Чертова шлюха! Зазнайка хренова!

Она заметила, что они пошли быстрее, хотя их по-прежнему разделяло приличное расстояние. Хотя в данном случае не «Братство» село ей на хвост, она все же не собиралась дожидаться их. Их было слишком много. Она попыталась идти быстро, так чтобы это не бросалось в глаза. Хотя бегство – лучший способ самообороны, она не желала унижаться и показывать, что испугалась их. В худшем случае это может спровоцировать какой-нибудь стадный инстинкт, подстегнутый алкоголем. Даже если она считала, что компания парней, орущих вслед одинокой девушке, – дохляки и трусы, ей следовало держать дистанцию на случай, если они побегут за ней. За спиной она услышала, как один из них завопил:

– Вот сука! СУКА!

Линн достигла поворота, где от воды отходила улица Тантугатан. Здесь рос большой куст. Позади она слышала, как шумная компания стремительно приближается. С разбега одним мощным паркурным прыжком она перелетела через высокий деревянный забор, огораживающий старый красный домик, в котором она жила. Приземлившись на газон, она потеряла запястье и шмыгнула в темноту за домом. Оттуда она услышала переполох, когда парни подбежали к забору со стороны улицы.

– Куда делась эта шлюха?

Линн осторожно глянула в щелку между досками. Компания неохотно направилась дальше к железнодорожному мосту, нанося друг другу удары.

– Да пошла она, плевать, все равно ее там нет.

Чуть выше на горке стоял припаркованный велосипед, всем своим видом провоцирующий их. Компания подбежала к нему, пинками свалила его и стала прыгать, топчя колеса. Тихо покачав головой, Линн направилась к домику. Иногда нелегко быть анархисткой. Трудно верить в доброе начало в человеке, когда чувствуешь, что кое-кому не помешала бы хорошенькая взбучка. Несколько минут она размышляла над тем, не достать ли несколько ракет, оставшихся в сарае с прошлогоднего фестиваля фейерверков, и не запустить ли их над головами парней. Но потом все же решила не привлекать их внимание к дому – так или иначе, она отвечает за его сохранность перед хозяйкой, живущей в белом оштукатуренном «барском» доме напротив домика прислуги, который занимала Линн.

То, что ей удалось перебраться в это историческое место, объяснялось тем, что находящаяся в отъезде хозяйка, Альма Сундберг, – приятельница тетушки Луизы. Тетушка помогла Линн подыскать себе новое жилье после бурных потрясений в мае, когда Линн оказалась в самом эпицентре расследования «кукольного убийства». Это новое место – в отличие от ее квартиры, расположенной неподалеку, – не ассоциировалось у нее с нападением, похищением и двойным убийством.

Линн осторожно открыла входную дверь прекрасно сохранившегося деревянного дома XVIII века. На мгновение ей показалось, что она вошла в машину времени и покинула XXI век. Сбросив с себя кроссовки для катания на скейте и кинув куртку в угол, она поежилась от холода. Из-за плохой изоляции влажность стала проникать внутрь дома. Половицы заскрипели, когда девушка наклонилась к печке, запихивая туда дрова и газеты. На мгновение она замерла со спичкой в руке, увидев заголовки на первой полосе: «Продолжается скандал, связанный с фирмой “Care4Me”: еще 15 заявлений о ненадлежащем уходе. Комиссия по качеству предупреждает о высоком риске в деятельности фирмы. Следите за нашим расследованием состояния системы ухода за пожилыми».

Линн отложила газету в сторону, достала из пачки старый журнал и вырвала несколько страниц. В свете огня она продолжила читать статью в «Дагенс Нюхетер», пока пламя медленно

согревало ее. А вот статья согревала мало: пролежни, опарыши, переполненные подгузники, переломы, недосмотр и привязывание пожилых к кроватям. Хотя в целом уход за пожилыми улучшился после тревожных сигналов, поступивших в предыдущие годы, эта тенденция отмечалась не везде. Она вздохнула. Террористическая атака, психопатические компании молодых парней и пожилые, не получающие должного ухода. Куда все катится? Когда газета в печи превратилась в пепел, Линн услышала жужжание в телефоне. Так он еще задержится?

Так дальше невозможно. Проплутав впотьмах минут двадцать в поисках дома 26 по Тантуган, где Линн, по ее собственным словам, теперь проживает, Рикард совсем отчаялся. Обычно он гордился тем, что прекрасно ориентируется в районе Сёдермальм – особенно в свете того факта, что его собственный дачный участок находился всего в нескольких сотнях метров от этого места. Тем не менее он бродил взад-вперед в темноте под мостом Орстабрун, вдоль высотных домов с арками, по тропинкам, идущим вдоль воды, но так и не обнаружил такого адреса. Места, которое она, чтобы еще больше все запутать, не назвала его истинным названием – усадьба Танту, как потом выяснилось. Вместо этого она описала его как дом, «расположенный примерно на том месте, где был убит брат Катарины Тайкон¹²». Он подозревал, что она искренне верила – такое описание в эсэмэске облегчит ему задачу, однако он, несмотря на полицейское звание, не очень хорошо знал историю криминалистики.

И все же он должен был бы узнать это место. Он бывал здесь ребенком, со школой Марии, чтобы посмотреть, где находился цыганский лагерь, описанный в книге про Катитци. В детстве Катарина Тайкон сама училась в школе Марии. Неприятное чувство охватило его, когда он вспомнил: ее имя они использовали в детстве как ругательство, говоря «тайконовские джинсы» о вещах из дешевого, а не фирменного магазина.

В подавленном настроении он посмотрел на залив, не выпуская из рук телефона. Google maps также считал, что такого адреса не существует. Рикард замерз, устал и проголодался. А вокруг – ни души, не у кого спросить дорогу. Где-то в другом конце парка Танту слышался гомон молодежной компании. В полном отчаянии он признал себя побежденным и отправил эсэмэску: «Не нахожу дороги, стою у воды под мостом Орстабрун. Сдаюсь».

Обтерев мокрую скамейку возле тропинки, он как раз собирался сесть на нее и начать жалеть себя, но подпрыгнул, когда чья-то рука легла ему на плечо.

– Господи, откуда ты взялась? Напугала меня чуть не до смерти.

Линн насмешливо посмотрела на него.

– Мне недалеко идти. Я живу, как уже было сказано, на Тантуган, 26.

Хотя они и виделись на Лонгхольмене несколькими часами ранее, она порадовалась, что он смог ненадолго оставить работу и прийти. Приложил усилия. Рикард стал важной частью ее жизни, хотя они и знали друг друга всего полгода. Человек, не заикливший на себе, прекрасно разбирающийся в жизни и готовый поговорить на самые разнообразные темы. Она протянула ему стакан с дымящимся напитком.

– Я приготовила термос с «ромом тодди» – хотя и не рассчитывала, что мне придется, как сен-бернару, отправляться на поиски тебя. Но мне это показалось уместным в свете погоды и всего, что произошло. Черный чай, лайм, мед и изрядная доза «Капитана Моргана»¹³.

Напиток обжигал горло. Рикард откинулся на спинку скамейки и на несколько секунд закрыл глаза, наслаждаясь теплом, растекающимся по телу. Но одной чашкой придется огра-

¹² Катарина Тайкон – знаменитая шведская детская писательница цыганского происхождения, автор серии книг о цыганской девочке Катитци.

¹³ Captain Morgan – марка рома.

ничиться – вдруг что-нибудь возникнет и ему придется выехать на работу? Они сидели молча. Линн покосилась на него.

– Видела снимки из Кунгстредгордена. Ужас! Вы выяснили, кто за всем этим стоит?

Он ответил кратко, решив избежать этой темы. Какое бы доверие он ни испытывал к Линн – он не имеет права обсуждать версии с человеком, не работающим в полиции.

– Нет. Возможно, террористы. Но никто не взял на себя ответственность.

Линн не стала больше спрашивать, понимая, что он не хочет обсуждать следствие. Они стали смотреть на залив Орставикен. В свете фонарей туман над водой напоминал позолоченный занавес. Рикард почувствовал, как от рома по всему телу разливается ощущение спокойствия.

– Прекрасное место, чтобы выпить рома. В XVIII веке здесь располагалась первая королевская винокурня. Я читал на какой-то табличке неподалеку, что Густав III разослал указ всем учителям Швеции, обязав их обучить простой люд пить только казенную водку.

Линн ничего не ответила, лишь молча кивнула на бобра, медленно прошедшего мимо в нескольких метрах от их ног, контрастно выделяясь на фоне высотных домов набережной Шёвикскайен. Рикард улыбнулся.

– К тому же я, считай, вырос на спиртовом заводе.

В полумраке он поймал ее удивленный взгляд.

– В детстве мы часто ездили на велосипедах на Реймерсхольмский спиртовой завод – тот самый, где изобрели водку «Абсолют», – когда его сносили в семидесятые. Потрясающее место для игры в войнушку среди полуразвалившихся кирпичных строений, куч щебенки и дырявых медных котлов.

– Хм. У меня дома всякие игры в войну были запрещены. Хотя, если бы мне их разрешили, это в те времена могло бы стать формой протеста. Но пацифизмом первой увлеклась моя мама.

– Да, сейчас другие времена. Дети в войну не играют. Мой сын Эльвин даже слова этого ни разу не упоминал.

– И очень хорошо – хотя они, вероятно, играют в то же самое на компьютере.

– Думаю, да. Хотя в тех наших играх была большая свобода. Мы бегали по Лонгхольмену в лесу под руководством старика Техаса, который жил там в своей хижине. Он знал массу приемов партизанской войны – с тех пор, как ушел добровольцем к анархистам во время гражданской войны в Испании. Тебе бы это точно пригодилось, а?

Линн передернула плечами.

– Насилие – редко удачное решение.

«Тодди» закончился, Рикард пошел вслед за ней вверх по склону под мостом. Несмотря на санацию, на опоре моста виднелись остатки граффити с текстом: «Заботомыслие».

В домике было уютно. В печи потрескивал огонь, от нее исходило приятное тепло. Рикард огляделся. Плакат с надписью «No Pasaran» переехал сюда со старой квартиры, но в целом мало что наводило на мысли о Линн, если не считать двух лонгбордов, выставленных в углу комнаты. С большим удивлением он отметил, что она оставила на месте вышитое настенное панно из Даларны – правда, не с религиозным мотивом, но явно принадлежавшее прошлой хозяйке: «Много гостей – много и новостей».

Ром все еще согревал желудок. Дом казался обжитым и гостеприимным. Вслед за Линн Рикард прошел в кухню.

– По дороге я зашел в рыбный магазин в Старом городе и купил пару порций запеченной рыбы, так что совсем без ужина мы не останемся.

Она посмотрела на него с удивлением.

– Там еще открыто?

– Да нет, Лассе спустился и отпер мне. Я ведь покупаю у него чуть ли не каждый день.

Она кивнула, открыла холодильник и достала бутылку пива. Он рассеянно покачал головой, просматривая эсэмэски в мобильном телефоне. Мария пока не сообщала ни о каких результатах лабораторных анализов. Он понадеялся, что она уже легла. Дежурные криминалисты по-прежнему просматривали записи камер видеонаблюдения, но пока не нашли следов человека, попавшего в объектив в Кунгстредгордене и у Каролинской больницы. Стрелки в черном тоже больше не появлялись на видеокамерах. Руководитель операции у моста Сёдертельебрун, сменивший Патрика Энглаума, лаконично сообщал, что новостей у него нет. И ни у кого другого на блокпостах. Иными словами, операция перешла в еще более медленную стадию, когда технические данные никуда дальше не приводят. Боковым зрением Рикард ощущал взгляд Линн. Не скрывая любопытства, она спросила, чем он занят. Поколебавшись, Рикард повернулся к ней.

– Когда я приехал в Кунгстредгорден, там творилось черт-те что. Снайперы на крыше.

Она кивнула. Рикард помолчал, еще раз посоветовался сам с собой и принял решение.

– Погибли три сотрудника банка SEB. Похоже, нападение планировалось именно на них.

Он внимательно посмотрел на нее.

– Возможно, мне понадобится твоя помощь, чтобы посмотреть компьютеры погибших.

«Поскольку никаких конкретных улик у нас пока нет», – подумал он про себя.

– Нам отдадут их завтра утром.

Линн сидела молча, задумчиво глядя на него. Он не жалел, что задал ей этот вопрос. Впрочем, вероятно, он все же немного поторопился. Его начальница Луиза наверняка пожелала бы, чтобы он проинформировал ее, прежде чем связываться с ее племянницей. Хотя он сам имел право принимать решения, кого подключить к расследованию, естественно было бы сперва обсудить это с Луизой. Одновременно он осознал, почему не обратился к ней: не хотел услышать отрицательный ответ.

Рикард попытался стряхнуть с себя неприятное чувство, что он немного смухлевал. Линн как-никак куда компетентнее любого криминалиста, имеющегося в его распоряжении. Нет ничего странного в том, чтобы привлечь ее к следствию. Если, конечно, сама Линн заинтересована в том, чтобы помогать полиции. Ее сомнения показывали, что для нее вопрос неоднозначен. Но если она согласится, Луиза не сможет задним числом сказать «нет». Линн подчиняется только самой себе.

Она прервала его мысли.

– Кого застрелили – директоров банка?

– Нет, не похоже. Юнгберг только что занимался установлением личности потерпевших.

А почему ты спрашиваешь?

Линн долго сидела молча.

– Просто думаю о том, что обычно пишут в газетах. Руководство банков, назначающее друг другу колоссальные премии, огромные выплаты на случай увольнения и дополнительные пенсии, которые потом оплачивают мелкие дольщики или налогоплательщики.

Рикард раздраженно посмотрел на нее. Голос его прозвучал сухо.

– Но ты ведь не можешь поддерживать тех, кто казнит людей?

Линн замерла.

– Я так не сказала. И я их не поддерживаю. Но так мог бы выглядеть мотив.

– Ты хочешь сказать, что в деле могут быть левацкие мотивы? Что кто-то атакует всю финансовую систему? Нападки на капитализм, алчность или что там еще?

– Звучит маловероятно, но такая возможность существует. Но если застрелили обычных сотрудников, то такую связь усмотреть сложно.

Рикард захрустел пальцами, пытаясь сдержать раздражение. Понимает ли она вообще, что произошло? На пороге банка застрелены люди, вина которых состояла лишь в том, что они там работали. Или он неверно истолковал ее слова? Он не мог вспомнить, чтобы она раньше

высказывала симпатию к насильственным действиям в отношении людей. Он глубоко вздохнул и решил не продолжать разговор на эту тему.

Линн смотрела на воду. Ее огорчила обидчивость Рикарда. Такого за ним прежде не замечалось. Она списала все на усталость.

– А у тебя нет на примете других людей, кто мог бы тебе в этом помочь? Я сейчас очень занята диссертацией.

Он заерзал, опустил глаза. Этот же вопрос могут задать ревизоры полиции. С другой стороны, расходы на ее гонорар покажутся незначительными, если работа даст результат. А по поводу результата он не сомневался.

– Э... есть, конечно.

Он заколебался. Ему не хотелось подлизываться, раз она так явно не заинтересована. Но как ее убедить? Оставалось сказать все как есть.

– Дело в том, что я хочу работать именно с тобой, ни с кем другим. И Эрик тоже. Мы к тебе привыкли. И к тому же тебе в твоём деле нет равных. – Он поднялся и продолжил, прежде чем она успела ответить: – Пойдем на воздух?

Она кивнула и вышла с ним во двор. Семь лет назад, сидя в тюрьме Хинсеберг, осужденная за преступление против государственной безопасности Швеции – после того, как она перехватила переговоры полицейских по рации, – она и представить себе не могла, что будет сотрудничать с полицией. И уж тем более, что подружится с полицейским. Сейчас позади у нее одно расследование, и она обдумывает, не включиться ли еще в одно – чтобы опосредованно помочь крупнейшему банку Швеции.

Мысленно покачав головой, она стала разглядывать гигантскую баржу с цементом, как раз проходившую под мостом Лильехольмен. Ее прежние убеждения все труднее увязать с тем, чем она занимается сейчас. При этом ей кажется, что она верит в то же самое, во что верила всегда. В любовь, свободу и справедливость. В солидарность. А все это исключительно плохо сочетается с тем эгоизмом, жесточайшей конкуренцией и политикой дальнейшего обогащения богатых, которые для нее олицетворяет собой руководство банка SEB. Как бы ни было ужасно, что застрелили людей, но ведь есть другие, кто может этим заняться?

Они стояли молча, ощущая, как по земле распространяется слабая вибрация от поезда, идущего по мосту Орстабрун. Линн принесла два пива в надежде, что Рикард передумает.

Глава 8

«Проклятая страна, проклятый народ, проклятая погода!» – думал Амид. Он совершенно озяб, пока пробрался в обход напряженных перекрестков и железнодорожных путей, и теперь приближался наконец к месту сбора номер два у Карлбергсканален. Скоро он поцелует землю в Копенгагене и поклянется никогда сюда больше не возвращаться. В телефоне брякнула эсэм-эска. «Проклятье!» – подумал он, когда прочел: «Пришлось перебазироваться. Приходили копы с прожекторами. Покинули место два и вышли в канал. Стоим под мостом Экелундсбрун».

Он почувствовал, как его охватывает раздражение. Нужно валить немедленно. Еще недоставало дожидаться вертолетов, полицейских катеров или дневного света. Их шведский контакт выбрал в качестве альтернативного места сбора прибрежный кабачок «Пампас», поскольку там в это время гарантированно никого нет. По этому пункту он явно ошибался. Вместо этого туда явились копы, хотя кабак расположен более чем в полумиле от Кунгстредгордена. А что, если швед и навел полицию? Амид отогнал эту мысль. Мужик производил впечатление надежного. Он был одним из приближенных Йёргена Кранца – хотя сам Кранц и потерпел неудачу, когда рухнул «Патриотический фронт».

Десять минут спустя он подошел к мосту Экелундсбрун. Вукацера сделала Амиду знак, когда ему наконец удалось разглядеть моторную лодку в темноте под мостом. Ганнибал, стоявший у руля, сурово кивнул ему.

– Какой у нас план? Полицейская машина уехала в другую сторону, но они в любой момент могут вернуться.

Собачий лай на заднем фоне еще подчеркнул серьезность ситуации.

– Хорошо, отправляемся немедленно. Семь узлов, потушенные фонари. Сбросим сумки с оружием, когда отойдем подальше.

Ганнибал нажал на газ. Они плавно проскользнули по глади Ульвсундашён, мимо Эссингеледена и скал Фредхеля. Амид считал мосты, запомнив, сколько их предстоит миновать. Остров Лонгхольмен выступал из темноты черными очертаниями. Амид понемногу расслабился. Ни одного огонька на воде в поле зрения. Ни одного полицейского вертолета над головой. Задание выполнено. Почти без отклонений – в отличие от майского, когда были подключены шведы. Ганнибал, стоящий на корме, перебросил через борт винтовку. Она исчезла в черной воде. Амид открыл портфель Юханнеса Аландера, который прихватил с собой из больницы, и громко выругался. Компьютера внутри не было, только пачка отчетов компаний. Сердито порывшись в карманах, он достал два мобильных телефона своей жертвы, которые присвоил еще на лестнице перед зданием SEB. Засунув их в портфель, он швырнул все через борт. Нервы начали успокаиваться. Он вдохнул прохладный воздух. Дело закончено. В темноте он различал слабое освещение на мосту Лильехольмсбрун. До шлюза в Хаммарбю оставалось не так далеко. Шведский контакт Амида должен был поджидать их там, готовый *уговорить* дежурного дополнительно открыть ради них шлюз. Все равно дежурный ничего задним числом не вспомнит. Потом – еще несколько часов до Нючёпинга, где припаркованы машины. Первое, что он сделает, вернувшись домой, – съест несколько острых суджуксов у Вестербро, возможно запив сладким мятным чаем. Или глотком «Арака». Хотя он и любит Данию, но не за еду. Красные свиные колбаски и пиво «Нoф» пусть глотают сами.

Они приближались к островам Ошты. Он сверился с мобильной картой, прикрыв ее ладонью, чтобы приглушить свет экрана. Тут в глаза ему бросилась отметка, сделанная им на карте. Она не имела ничего общего с сегодняшним заданием – он поставил ее еще летом во время поездки с целью рекогносцировки. «Линн» – было написано возле отметки, торчавшей из дома по адресу Тантугатан, 26. Судя по всему, это место находилось неподалеку, где-то там, в тем-

ноте. Заманчиво. Однако это уже другое задание, для другого случая. И его выполнит кто-нибудь другой. Может быть, сами шведы. Вопрос не в том, будет ли это сделано, а в том, *когда* это произойдет – учитывая тот ущерб, который она им нанесла в прошлый раз. Его босс, Карстен Буфельдт, не из тех, кто забывает такое.

Бам!

Удар оказался оглушительным.

Лодка так сильно накренилась, что Амид упал лицом вперед, ударившись головой о руль. Обстрел? Он заморгал. Горячая кровь заливала один глаз. Ветровое стекло было забрызгано кровью. На полу у его ног лежал Ганнибал. Ранен? В обмороке? Вокруг царила тишина. Никаких прожекторов с берега. Мост над ними казался пустынным. Никаких катеров поблизости. Похоже, они ни в кого не врезались – наверное, просто сели на мель посреди фарватера. Он как раз собирался окликнуть Вукацерку, когда увидел, как она вылезает из воды и переваливается через борт. Вид у нее был пришибленный. Ганнибал все еще лежал неподвижно. Казалось, он невредим – не считая небольшой выбоины у виска. Вукацерка принялась трясти его, и Амид отметил, как тот зашевелился.

Рикард стоял рядом с Линн, глядя на ночной пейзаж. Они залезли на крышу сарая и теперь стояли, держа в руках по дымящейся чашке чая. Линн отыскала отвар ромашки, который должен был его успокоить. Дождь перестал, слабый лунный свет пробивался через мокрый туман. Освещенные высотные дома красовались над водой, словно вид на Манхэттен или Доклэндс. Трудно было представить себе, что в том месте, где они сейчас находились, всего полвека назад располагались самые бедные кварталы Стокгольма, где жили рабочие сахарного завода, теснившиеся в убогих грязных лачугах. Линн подлила еще чая из термоса. Боковым зрением она отметила движение. Темная тень, казалось, нырнула головой вниз с моста Орстабурн. Затем они услышали удар. И тут же раздался резкий звук, словно переломилось дерево. И снова тишина. Время как будто остановилось.

– Что это было? Кто-то прыгнул с моста?

Голос Линн прозвучал взволнованно. Она повернулась к Рикарду, который уже слезал с крыши сарая. Послышался какой-то слабый звук – поначалу она подумала, будто это ветер. Но звук усилился, все больше напоминая скуление щенка. Линн прыгнула вниз и обогнала Рикарда.

– Ребенок! Поторопись, это там, на мосту! Ребенок плачет.

Когда он догнал ее, она уже бежала по велосипедной дорожке на мосту. Они тут же увидели ребенка, сидевшего рядом с перевернутым велосипедом. Линн остановилась на расстоянии. Девочка посмотрела на нее большими круглыми глазами, потом перевела взгляд на перила моста. Линн медленно приблизилась к девочке, присела, стараясь не напугать ее, улыбнулась вымученной улыбкой.

Сердце у Линн отчаянно билось. Очевидно, что тут произошло. Девочка сидела на багажнике, когда тот, кто ее вез, врезался в перила и перелетел через них, навстречу неминуемой смерти. Обняв ребенка, Линн принялась тихим голосом бормотать слова утешения. Осторожно покачивая девочку, она повторяла: «Ну вот, все хорошо, все в порядке». Отряхнула ладони девочки от камешков. Той было на вид года четыре или пять. За спиной Линн слышала, как Рикард звонит в колл-центр и просит помощи. Потом он присел рядом с ними.

– Привет, я полицейский, меня зовут Рикард. Ты упала?

Девочка не ответила, только молча устала в землю. Показала ему свои исцарапанные руки.

– Это царапины, немного поболит и пройдет. Как тебя зовут?

В ответ – едва слышный шепот.

– Аманда. Я упала с велосипеда.

Линн крепче обняла девочку.

– Все будет хорошо, мы позвоним кому-нибудь, кого ты знаешь. Ничего страшного.

Рикард перегнулся через перила. Остров под ними был едва различим в темноте. У берега виднелся размытый белый силуэт. Катер? Мостки?

– Алло! Нужна ли помощь? Я полицейский!

Ответом ему была полная тишина. «Боже мой, – подумал он. – Неужели он приземлился прямо на лодку?» А треск, который они слышали, – звук разломившейся пополам пластиковой палубы? Он позвонил в дежурную социальную службу, поговорил с медсестрой и повернулся к Линн и девочке.

– Социальная служба уже едет сюда. Сейчас я вызову патрульную машину и спущусь вниз, посмотрю, что там делается.

Он заколебался. Линн побледнела. Голос ее звучал слабо.

– Она только что спросила про бабушку – ее зовут Юсефина. Но фамилии она не помнит. Ты не мог бы посидеть с ней несколько минут? Я принесу одеяла. Она мерзнет.

Амид отчетливо слышал запыхавшиеся голоса и бегущие шаги, направляющиеся на мост. Надо было торопиться. Он подошел к телу, лежавшему на носу лодки. По всему борту виднелась трещина. Мужчина свисал головой через край – у него была сломана шея, отчего он напоминал тряпичную куклу. Подтолкнув его ногой, Амид видел, как тело соскользнуло в воду. За спиной он слышал, как Вукацерка шепотом дает инструкции Ганнибалу. На мосту угадывалась фигура, смотревшая вниз. Потом послышался голос. Амид стоял неподвижно, пока тень не исчезла. Он покачал головой. «Добро пожаловать в Швецию – страну с рекордным количеством самоубийств».

Мощным движением открутив пробку водоотливного отверстия в днище, он сделал знак Ганнибалу отогнать лодку веслом, преодолев последние метры, отделявшие их от острова. Над ними на мосту послышался скулеж. Не может быть, чтобы они уже подогнали туда патруль с собаками. Протянув Вукацерке пистолет, он знаком показал ей и Ганнибалу, чтобы они сошли на берег. План не удался. Вместо этого они, как и договаривались, должны разделить. Вукацерка и Ганнибал вброд добрались до берега и исчезли в темноте. Они знали, что делать. Угнанная машина. Узкие дороги. Пусть долго, лишь бы добраться до места. Место сбора шесть возле Норрчэпинга, где стояли новые машины. Корма моторной лодки медленно уходила под воду.

Оттолкнувшись от борта, Амид прыгнул на сушу и направился напрямик к огороженному временному понтонному мосту, ведущему на другую сторону к Танту. С некоторым трудом он пробрался мимо дорожной техники, которая, как он предполагал, стояла там из-за ремонта железнодорожного моста, видневшегося в тени Орстабрун. Едва перебравшись на тот берег, он вынужден был кинуться в кусты, когда ему навстречу выбежала одинокая женщина. Не заметив его, она свернула к красному домику. В свете уличного фонаря он разглядел и тут же узнал ее. Кровь прилила к голове, когда его охватила кипучая ненависть.

Линн Столь.

С одеялами в руках она снова убежала в сторону моста.

Он кивнул своим мыслям, когда она исчезла из виду. Почему бы нет? Кто будет искать в норе дракона? Он проскользнул вперед, перебрался через деревянный забор и направился к дому, из которого она вышла.

Через щели между досками забора вокруг дома Линн он видел, как патрульная машина затормозила чуть дальше, у автобусного кольца, и начала перегораживать дорогу на мост. Патрульных встретил одинокий полицейский. Свет карманного фонарика затанцевал в темноте, когда они спустились на остров, с которого Амид только что ушел. Он неподвижно стоял в темноте, ожидая, что будет дальше. Через полчаса машина уехала. Самоубийство – низкоприоритетное дело. Амид как раз собирался удалиться, когда услышал, что хозяйка возвращается.

Он снова попятился в тень за углом дома. Она попросилась с одиноким полицейским, который ушел вверх по склону, и вошла в домик, не заметив нежданного гостя. Внутри загорелась стеариновая свеча. Амид пытался стоять неподвижно, но заметил, что невольно придвинулся к свету, чтобы лучше видеть. Двигаясь вдоль стены дома, он остановился, оставаясь в тени, и заглянул в окно. Линн стояла в пол-оборота к нему, возясь с чайником. В неровном свете свечи волосы у нее казались серебристо-белыми. Она выглядела преувеличенно по-скандинавски, словно сошла со страниц книги сказок с иллюстрациями Йона Бауера. Принцесса Былинка. Бледная лесная дева. А он прячется в темноте, как тролль.

У него в голове не укладывалось, как человек с такой прекрасной внешностью мог принести им столько вреда. И как дополнительная заноза в глазу, по выражению его босса Буфельдта, – у нее к тому же идеальные арийские черты.

Но всему свое время.

Беззвучно и незаметно Амид пробирался в тени деревьев вдоль воды, намеренно избегая уличных фонарей. Ни души. Над водой дрожал огонек. Амид обернулся и разглядел под мостом катер с прожектором. Морская полиция или пожарные – видать, ищут мужчину, покончившего с собой. Но Амид находился далеко от них. Деревья скрывали его.

По своему походу, предпринятому для рекогносцировки несколько дней назад, он помнил, что впереди есть большая неогороженная парковка. Он шел быстрым шагом, не переходя на бег. Ему даже не приходило в голову тревожиться за Вукацерку и Ганнибала. Их отобрали за профессионализм и умение приспосабливаться к новым ситуациям. Они уйдут.

Внезапно он замер, услышав за собой звериный рык. Какого черта? По пути сюда они чуть не столкнулись на трассе с кабаном. Но не могут же кабаны бродить по центру Стокгольма? Спрятавшись за кустом, он стал выжидать. Затем раздался смех, и он увидел группу из четырех мужчин. Естественно, смешанную. Парочка бледных прыщавых шведов, а двое других могли бы быть родом из тех же мест, что и он сам. Арабы или персы – трудно разобрать в сумраке. Выглядели они молодо, но если ему повезет, им больше восемнадцати и у них есть права. Стоит попытаться. В темноте он с негромким щелчком снял с предохранителя свой «Glock». Он слышал, как они приближаются, обнявшись и распевая пьяными голосами какую-то песню. Он обернул вокруг лица свой черный шарф. Не палестинский платок, скорее что-то про Зорро. Звук приблизился.

– Вот уродина чертова. Просто катастрофа.

Они прошли мимо, он выскочил из кустов позади них.

– Stop right there!¹⁴

Голос Амида прогремел над дорожкой и разлетелся над водой. Он заговорил по-английски, хотя не был уверен, что парни в таком состоянии понимают даже шведский. Он видел, как они резко обернулись, качнулись, наткаясь друг на друга, и лишь потом увидели его. Их глаза приобрели форму шариков для гольфа, когда они уставились на него, разинув рты.

«Проклятье», – только и успел подумать Йимми, когда человек в маске выскочил перед ними на тропинку. Так что, теперь их самих ограбят? Какой-то взбесившийся ковбой в черном платке. Вечер и так провальнейший. Сначала от них сбежала та сучка со скейтом, когда они хотели повеселиться. Потом они болтались по улице, пока у «Макдоналдса» на Лильехольмене к ним не привязались малолетки лет по четырнадцать в боевой раскраске и отказывались убираться восвояси – пока они не отобрали у них их «Самсунги», хотя Мухаммед считал, что грабить девчонок вообще харам. А теперь вечер закончится тем, что какой-то обкурившийся иранец, сбежавший из клиники, украдет их свежееукраденные мобильники.

– This can be quick. Or this can hurt¹⁵.

¹⁴ Стоять на месте! (англ.)

¹⁵ Может быть быстро. А может быть больно (англ.).

Амид отметил, что они слушают его очень внимательно, хотя и покачиваются, едва удерживаясь в вертикальном положении. Правда, не похоже было, что кто-то из них собирается вести машину, учитывая их водянистые глаза и мутные взгляды. Но других кандидатов все равно не имелось.

– I need a car. Now!¹⁶

Компания нервно поживалась, глядя в землю. Мужик в маске точно псих, если думает, что у них где-то поблизости машина.

Йимми, запинаясь, ответил на английском:

– We're not eighteen, we have no car. But you can have our cell phones¹⁷.

Глаза Амида почернели от злости. Он схватил одного из парней.

– Did you hear me ask for a mobile?¹⁸

Он прижал пистолет к голове Мухаммеда. А потом изо всех сил ударил его рукояткой по лбу. Хлынула кровь. Парень упал, зажав лицо руками, и взвыл от боли.

– Шармута!¹⁹

Упав на колени, Йимми обнял друга за плечи. Он не сводил глаз с психа в маске, чувствуя, как кровь течет у него между пальцами, пульсируя горячими толчками. Проклятый идиот разбил Мухаммеда башку без всякого предупреждения. Йимми вывернул на асфальт содержимое карманов. Транспортная карточка, нож-бабочка, спрей от астмы и несколько монет. Тут он заметил, как Ансельм что-то вытащил из кармана: связку ключей, которую он швырнул незнакомцу.

– A white Volvo. Just before Eriksdalsbadet²⁰.

Мухаммед гневно посмотрел на него. Ансельм опустил глаза, виновато пробормотал себе под нос:

– Черт, я забыл, что взял утром тачку у сеструхи.

Они смолкли, когда незнакомец навел на них пистолет.

– Cell phones!²¹

Они положили телефоны на землю, и незнакомец ногой спихнул их в воду, потом схватил Ансельма за воротник джемпера и потащил с собой. На ходу он обернулся к Йимми и Дериану, сидевшим на корточках рядом с Мухаммедом.

– You move, he dies²².

Йимми видел, как они исчезли в темноте. Он помог Мухаммеду обмотать голову джемпером. Потом они сидели молча, боясь пошевелиться.

Час спустя Амид столкнул своего заложника в кювет на лесной дороге. Он оставил парню жизнь. Дорога через лес была совершенно пустая. Пройдет немало времени, прежде чем парень доберется обратно. А тем временем Амид будет уже далеко. Машин, как та, которую он присвоил, в Швеции тысячи. Номерные знаки он сменил, остановившись на дороге. Двое других ждали его в условленном месте. В зеленой зоне. Они подождут до утра. Разделятся. Проскользнут по объездным дорогам, когда начнется интенсивное движение.

¹⁶ Мне нужна машина. Немедленно! (англ.)

¹⁷ Нам нет восемнадцати, у нас нет машины. Можешь забрать наши мобильники (англ.).

¹⁸ Ты слышал, чтобы я спрашивал про мобильник? (англ.)

¹⁹ Сука! (араб.)

²⁰ Белый «Вольво». Рядом с Эриксдальсбадет (англ.).

²¹ Мобильные телефоны! (англ.)

²² Пошевелитесь – он умрет (англ.).

Глава 9

Суббота. День второй

– Что за идиотское рабочее название? Снайперы в Кунгстредгордене? Как в дешевом детективе.

Эрик возмущенно потряс головой, выходя вслед за Рикардом в коридор после только что закончившегося краткого совещания у Луизы. Он чувствовал, что нервы у него буквально на пределе. Усталость, которую он ощущал в начале утреннего совещания, бесследно улетучилась.

– Окей, я согласен, – кивнул Рикард. – Идея принадлежала Юнгбергу. Какое-то название все равно нужно. А это, по крайней мере, передает суть. А заголовки на сайтах новостей звучат куда хуже: «Нападение на Стокгольм. Смерть сверху. Беззвучные убийцы».

Эрик фыркнул.

– Блокпосты и правда ничего не обнаружили? Неужели им не попался какой-нибудь загорелый швед, только что вернувшийся из отпуска в Испании, которого они могли бы задержать?

Рикард взглянул на него с удивлением, потом до него дошло.

– Ты имеешь в виду «темнокожего в кепке»? – Он покачал головой. – Во время ночной смены Беатрис постоянно поддерживала контакт с начальниками подразделений, но блокпосты не обнаружили ничего подозрительного. Возможно, что преступники все же проскользнули. Но ты слышал, что сказала Луиза. Мы должны повысить эффективность анализа данных внутренней работы. Еще раз пересмотреть все. Показания свидетелей, видеозаписи, результаты из лаборатории. Во второй половине дня придет Беатрис и тоже подключится.

«Беатрис Нильсен», – подумал Эрик. Он еще не привык воспринимать ее как члена команды – она долго отсутствовала, поскольку была откомандирована в Сёдертелье и вернулась только в прошлом месяце. Но она отличный работник, никаких проблем. И на вид симпатичная. Пусть придет и поможет ему просмотреть отчеты и свидетельские показания.

– Кстати, как там Линн? – Эрик покачал головой. – Я давно ей не звонил.

– С ней все хорошо, она перебралась в какой-то охраняемый памятник старины – он выглядит так, словно его привезли из Скансена²³.

– Ух ты, роскошно. Прекрасное местечко для штаб-квартиры «Антифа» в Сёдермальме. Рикард невольно улыбнулся.

– Вот уж не знаю. К тому же не уверен, что мне удалось уговорить ее помочь нам в анализе компьютеров пострадавших.

Эрик рассмеялся сухим смешком.

– Подозреваю, что твое предложение не вызвало у нее энтузиазма. Работать рука об руку со своим заклятым врагом – полицией, да еще и с руководством крупнейшего шведского банка. Помогать банку SEB, который в только что прошедшем документальном фильме о Второй мировой войне назван пособником лояльного к нацистам предприятия «Bosch», использовавшего для своего военного производства рабов!

Юнгберг догнал их в коридоре. Он уловил слова «нацисты» и «рабы», но решил не задавать вопросов. Рикард нетерпеливо повернулся к Эрику.

– Я изложил ей суть дела немного не так. Кроме того, она была так потрясена несчастьем на мосту – мы едва успели переговорить.

Эрик снова сделался серьезен.

²³ В музее под открытым небом «Скансен» находится множество старинных домов, свезенных со всей Швеции.

– Ужасная история. Бедная девочка. Но социальная служба обычно хорошо справляется со своей задачей.

– Если девочка вообще поняла, что произошло. Там сейчас работают водолазы. Я не заметил никаких следов – ни катера, ни мужчины, упавшего с моста. Папы.

Он попытался стряхнуть с себя неприятное чувство. Однако мысли невольно унеслись к сыну Эльвину. А что, если бы он остался вот так один на мосту? Рикард почувствовал, как дрожь пробежала по телу. Сердце забилося чаще. Впрочем, на разговоры времени нет.

– Сосредоточимся на тех материалах, которые у нас есть на сегодняшний день. Проверить все до малейших деталей. В том числе то, что мы уже рассматривали. Рапорты о допросах свидетелей, находившихся на лестнице. И проверьте телефоны и соцсети потерпевших.

Он обернулся к Юнгбергу.

– Постарайся как можно больше выяснить у родителей, когда будешь с ними общаться. Спроси имена друзей и знакомых. Кто-то должен знать, угрожали ли им.

Он остановился у двери своего кабинета.

– После обеда встретимся с коллегами потерпевших. То, что все трое работали в одном и том же отделе SEB, может быть признаком того, что стреляли не наобум. Вероятно, есть причина, почему застрелили именно этих троих. По словам Луизы, в СЭПО тоже не обнаружили никаких признаков вмешательства террористов.

Рикард вошел в свой кабинет. Дверь стояла открытой, как он всегда оставлял ее, пытаясь показать, что он начальник, приглашающий к открытости и диалогу. И тут же заметил, что Беатрис Нильсен восприняла его сигнал. Ее рапорт о ночной смене уже лежал на его столе. Он еще раз проверил сообщения блокпостов на дорогах. Затем список других происшествий ночи. Он оказался даже короче, чем обычно. Вероятно, мелкие сошки залегли на дно из-за массового наплыва в центр полиции. Однако не все. Перестрелка в Ринкебю, один человек ранен, стычка фанатов у Южного вокзала – примерно в то время, когда он ужинал дома у Линн, и еще несколько других неприятных событий. Похоже, ничто из этого никак не связано с происшествием у банка SEB.

Дойдя до конца обзора, он вдруг замер. Его внимание привлекла отметка Беатрис в 05:07 утра. «Предположительно: разборка между этническими группировками. Молодой человек избит у Орставикена между Танту и Эриксдалем. Свидетели описывают нападавшего как “довольно темнокожего, с ближневосточной внешностью”. Следов преступника не обнаружено». Как и говорил Эрик, совершенно бесполезное описание внешности – если бы оно не возникло уже в третий раз. Кроме того, в Танту, где Рикард в тот вечер стал очевидцем несчастного случая со смертельным исходом. Само собой, это может оказаться случайным совпадением, но они не могут позволить себе оставить это происшествие без внимания. Как-никак в Танту не каждый день происходят такие несчастные случаи и нападения.

Не чаще, чем снайперы в Кунгстредгордене.

Он принялся читать дальше. Когда он вошел к Эрику, тот сидел, уткнувшись в компьютер.

– Беатрис кое-что выловила сегодня ночью. Мужчина избит под угрозой пистолета возле Танту. Похищена машина «Вольво V60». Подозреваемого описывают как «темнокожего». Однако никаких следов автомобиля обнаружить не удалось, поскольку парни обратились в полицию только через четыре часа. Начальнику операции Беатрис напрямую передала номер машины, но пока это не дало результатов.

Эрик резко обернулся к нему и снова потряс головой.

– Какого черта, опять «темнокожий»? Что, у Шведских демократов²⁴ конгресс в Стокгольме – с каких это пор подозреваемых начали сортировать по цвету кожи? И почему нам сообщили только через четыре часа?

– Я так и понял, что тебя это заинтересует. Темнокожий взял одного из парней в качестве заложника, так что остальные не решались позвонить в полицию, пока их дружок не вернулся. Выясни с начальником операции, нет ли чего нового от блокпостов. Я жду звонка из SEB.

Эрик чуть не столкнулся с Беатрис, когда она выходила из лифта. Он изумленно уставился на нее.

– А ты что тут делаешь? Разве ты не спишь? Ты на эфедрине – или как тебе удалось встать?

Она мягко похлопала его по голове.

– По себе судишь о других. Нет, я просто обеспокоилась, не начнется ли у тебя выгорание. Если кучи бумаг на твоём столе вырастут до потолка.

Он улыбнулся.

– Я проверил избиение в Танту и угнанную машину.

Она с интересом посмотрела на него.

– Они задержали того мужика с пистолетом? Он имел отношение к стрельбе в Кунгстредгордене?

Эрик покачал головой.

– Ему удалось уйти. Патрули на блокпостах по-прежнему не обнаружили угнанную машину, камеры на дорогах не зарегистрировали транспортное средство с такими номерами. Однако мне кажется, что какая-то связь должна быть.

Она кивнула и направилась в кабинет.

– Хорошо, помогу тебе разобраться в том, что у нас пока имеется, только куртку повешу. Больше ничего нового?

– Только что звонил Юнгберг. Он встречался с родителями потерпевших. Все они живут за пределами Стокгольма, по большей части пожилые, с сыновьями общались лишь изредка. Встречались на Рождество, да несколько телефонных звонков за год. Это ничего не дало. Никаких гёрлфрендов тоже не удалось установить. – Поколебавшись, он добавил: – Или бойфрендов.

– А обычные друзья или знакомые? Разве таких не оказалось?

– Родители не знают.

– Но коллеги по работе должны хоть что-нибудь рассказать?

– Посмотрим. Мы встречаемся с ними сегодня.

Он пошел за ней в сторону кабинета.

– Мы не обнаружили телефонов пострадавших, что само по себе странно, помимо прострелянного в кармане у одного из мужчин. У Гренфорса, если я правильно помню. Но я запросил у операторов распечатки с детализацией. Если только их мобильники не найдутся у них в кабинетах или дома.

Беатрис проскользнула в туалет и бросила взгляд в зеркало. Поправила причёску. Вид у нее оказался не такой измученный, как она опасалась. Все как надо. Подводка на глазах не размазалась, и тональный крем лежал ровно, едва заметным слоем. С довольным видом она кивнула своему отражению.

Войдя в кабинет, она быстро взяла со стола Эрика несколько отчетов о допросах свидетелей и опустила на стул с бумагами в руках, не снимая куртки. Эрик как раз собирался отпустить ироничный комментарий по поводу того, что она действительно в форме, но пере-

²⁴ Шведские демократы – неонацистская партия в Швеции.

думал. Они относительно недавно работают вместе, не стоит с ней слишком много шутить. Кроме того, это и не шутка. С самого начала было ясно, что она карьеристка до мозга костей, учитывая, как много дополнительной работы она берет на себя и какие предложения продвигает на еженедельных совещаниях. Да уже одно то, что она пришла сразу после ночной смены, поспав всего несколько часов.

Беатрис листала отчеты о допросах свидетелей. «Невидимые убийцы. Внезапный хаос. Люди падали замертво». «В следующий раз я буду на переднем крае, – подумала она. – Первой приеду на место преступления и сама буду проводить допросы. А в будущем именно я буду держать в руках полномочия распределять и делегировать обязанности. И буду делегировать молодым и энергичным сотрудникам, которых подберу сама». Теперь же ей пришлось притащиться в отделение после четырех часов сна, чтобы, по крайней мере, не пропустить первую стадию расследования одного из самых скандальных преступлений в Стокгольме за последние годы.

– Ты посмотрел соцсети?

Эрик кивнул.

– Сейчас этим занимаюсь. Можешь мне помочь, если хочешь. Пока проверил Инстаграм и Фейсбук. Но там только несколько постов. Большинство довольно давние. Похоже, они работают, а не обновляют без конца свои статусы.

Он протянул ей список с личными данными пострадавших.

– А так чуть дальше по коридору сидит в своем кабинете Кент Берг, пытаюсь составить фоторобот с парнями из той компании, которым сегодня ночью угрожал в Танту мужик с пистолетом.

«Кент Берг, единственный в своем роде составитель фотороботов», – подумала она. По крайней мере, куда интереснее, чем повторно изучать сухие рапорты о допросе свидетелей, которые она уже просмотрела ночью. А соцсети она может проверять параллельно. Покосившись на Эрика, она улыбнулась сама себе. Хотя она и привыкла к нему, он все же такой забавный. Мешковатые джинсы от Хильфигера. Толстовка от Еско с золотым принтом. Полицейский-хип-хопер. Когда он наконец повзрослеет?

– Пойду загляну к Кенту, посмотрю, могу ли я там быть полезна. И нельзя ли вытащить из этих парней еще что-нибудь. Похоже, они столкнулись с одним из наших злоумышленников.

Пока официант убирал посуду со столика в Mooncake, Рикард отхлебнул глоток капучино. Деловой обед в ресторане напротив полицейского управления – это было его предложение. Он, Эрик и Беатрис остались довольны своим выбором – уткой на гриле с соусом пананг, а вот Юнгберг всех удивил, выбрав вегетарианский вариант – вьетнамские рулетики со сливовым соусом. Необходимость пойти и пообедать всем вместе, что случалось исключительно редко, он сумел обосновать эффективным использованием времени. За едой они успели бы обсудить, насколько продвинулись. Однако Рикард забыл, что сегодня суббота, так что в ресторане оказалось куда болеелюдно, чем он себе представлял, хотя им и выделили отдельную лужу в уголке. Впрочем, никто из посетителей не обращал на них ни малейшего внимания. Неподалеку от их стола сидело несколько молодежных компаний, поедая обед с пивом – вернее, пиво с закуской.

Рикард подался вперед.

– Луиза снова связалась с СЭПО – пока ничто не указывает на то, что это террористы. Никаких угроз со стороны отдельных личности в отношении SEB или повышения активности джихадских или ультралевых групп. И никто не взял на себя ответственность. Возможно, кто-то действовал по собственному почину, как во время теракта на Дроттнинггатан. Парочка фанатиков-одиночек. Но тогда зачем им расстреливать трех человек из одного отдела – среди всех людей, находившихся в тот момент на лестнице банка? Что-то тут не сходится.

Юнгберг задумчиво взглянул на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.